

В.И. Марковин

ИСПУН - дома карликов: Заметки о дольменах Западного Кавказа.

Оглавление:

К читателю.

Немного об изучении дольменов.

О самих дольменах.

Плиточные дольмены.

Составные дольмены.

Корытообразные дольмены.

Дольмены-монолиты.

Дольменные пробки.

Как строили дольмены.

Раскопки дольменов (археологический материал).

Курган Псынако I близ Туапсе.

Дольмены и ритуал. Быт древних строителей.

Происхождение дольменов — гипотезы и мнения.

Основная литература о дольменах Западного Кавказа.

К читателю.

Испун — «дом испов (карликов)», так адыгейцы называют дольмены. На территории Советского Союза дольмены известны только на Западном Кавказе и в Абхазии. Они встречаются в горной части

Краснодарского края, как по северному склону Кавказского хребта, так и по Черноморскому побережью. Этим замечательным памятникам древности и посвящена настоящая книжка. Автор ее доктор исторических наук, старений научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР Владимир Иванович Марковин много лет занимался исследованием дольменов. Сам родом из Дагестана (родился и вырос в Махачкале), он с детских лет полюбил горы, которые всегда его влекли своей первозданной красотой, неизведанностью. Владимир Иванович не только крупный ученый-археолог, но и всесторонне одаренный человек. Он учился в Харьковском художественном институте, затем окончил литературный факультет Дагестанского педагогического института. И сейчас он не оставляет живопись. Его картины экспонировались на художественных выставках. Но основное призвание — археология древнейшая история родного Кавказа. В 1957 году он окончил аспирантуру при Институте истории материальной культуры (ныне Институт археологии) Академии наук СССР и в 1960 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы», которая вышла отдельной монографией.

Всю свою научную деятельность В. И. Марковин посвятил изучению эпохи бронзы Кавказа. Им написаны восемь книг, в том числе две о дольменах Западного Кавказа, и сто шестьдесят печатных работ. Учителем его был крупный ученый-кавказовед лауреат Ленинской премии доктор исторических наук Евгений Игнатьевич Крупнов. Он и предложил В. И. Марковину заняться детальным исследованием дольменов Северо-Западного Кавказа. Результатом явилась докторская диссертация, защищенная в 1975 году, и монография «Дольмены Западного Кавказа» (1978 г.). Это первая крупная работа о дольменах, вышедшая в советское время.

В. И. Марковин буквально излазил горы Краснодарского края в поисках и исследовании дольменов. Впервые им было обнаружено и описано поселение дольменной культуры на Дегуакской поляне близ станицы Даховской, имеющее первостепенное научное значение.

На основании своей докторской диссертации В. И. Марковин и написал настоящую книгу, в которой рассказывает историю изучения дольменов, даёт описание их, а также археологических материалов, найденных при раскопках, быта строителей дольменов и в заключение останавливается на вопросе о происхождении дольменов, приводя различные мнения и гипотезы.

Пока что мы должны только ограничиваться гипотезами, так как бесспорных доказательств в пользу той или иной теории о происхождении дольменов на нашей территории нет.

Автор излагает материал в доступной форме, и надо надеяться, что книга вызовет интерес у широкого круга читателей и будет полезна не только студентам, учителям, но и всем тем, кто интересуется далеким прошлым нашей Родины.

Профессор Н. В. АНФИМОВ.

Светлой памяти отца
Ивана Алексеевича Марковича
(1875—1935) - посвящаю

Немного об изучении дольменов

В Дагестане, моей родине, где горы, удаляясь от Каспия, быстро, почти без разбега набирают высоту, колоритно все - пейзаж, многочисленные селения, быт народа, его поэзия... Здесь раздолье художнику и писателю. Может быть, поэтому хрупкая мечта изобразить виденное, сохранить его не только в памяти, но и на бумаге толкала многих мальчишек и девчонок к рисованию, к краскам. Для некоторых это было мимолетным, для других стало долгом и делом жизни. Для меня это не было только увлечением, скорее трудом интересным и каждодневным, толкавшим к походам далеким и близким, к своим личным открытиям давно известных ущелий и вершин. Но именно исхоженные и как будто хорошо знакомые людям места, оказалось, таили в себе много неведомого - то россыпи стрел среди истоптанных овцами тропинок, то рисунки на скалах, покрытые лишайниками и каменной коростой. Так вот и решилась судьба.

Дагестан, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, горы и равнины, знойные дни и холодная изморось - это экспедиционные будни. В каждом таком часе много обыденного, но и неожиданностей - находки необычного типа или там, где ждали нечто особенное, вообще ничего нет. В науке отрицательный

результат так же важен, как и положительный: значит, в подобных местах нет древностей или необходимо подходить к изучению объекта как-то иначе.

До очного знакомства с дольменами я мало думал о них, хотя старейший археолог Александр Яковлевич Брюсов еще в 1963 году предложил составить библиографию по кавказским мегалитам. Составил, но мысли были далеки от них, меня волновали тогда курганы и могильники эпохи бронзы и чисто архитектурные объекты, особенно средневековые башни. В грандиозных ракурсах, возносясь стройными пиками в голубизну неба, они будили воображение, поддержанное романтическими рассказами Косты Хетагурова, Халида Ошаева и Романа Фатуева.

И вдруг совершенно неожиданно сектор неолита и бронзы Института археологии АН СССР принял решение поручить мне детальное изучение западно-кавказских дольменов. Безуспешно пытался протестовать: я ведь почти не знал тогда причерноморскую часть Кавказа. Не помогло. Заведующий сектором Евгений Игнатьевич Крупнов решительно записал дольменную тему в мой план, объявив, что с этим покончено. Это было в 1966 году.

Так началось знакомство не только с новой для меня литературой, новыми местами и древними постройками, но и с новыми людьми: музейными работниками, краеведами, знатоками лесных нагорий Закубанья и Причерноморья.

Труд был тяжелым. В итоге его — папки с чертежами, записи, фото пленки, зарисовки дольменных сооружений и археологических находок. Кажется, можно вздохнуть посвободнее — сделано. Но нет. Поступают новые сведения о неизвестных ранее группах дольменов, появляются в печати гипотезы о том, кто же строил их и как. И снова мысль возвращается к древним постройкам, стараясь найти ответы на те недоуменные вопросы, которые рождались еще в первые экспедиционные поездки к Черному морю и по лесистым ущельям Кубани.

Вот и хочется поделиться с читателем вполне достоверными фактами, добытыми в долгих походах, что вели от дольмена к дольмену, соображениями, которые мне кажутся бесспорными, но, может быть, только мне, а не моим коллегам, и гипотезами, высказанными многими учеными, чей взор также привлекли эти грандиозные сооружения.

...1794 год. Холодный ветер дул со стороны моря, подхватывал песок и резко ударял им в окошко кареты. Длительные переезды изрядно притомили академика Петра Симона Палласа. Не хотелось думать о чем-либо серьезном, только бы скорее покойный ночлег. Маленькое местечко Чокрак-кой, что должно было вот-вот показаться за невысокой холмистой грядой, вряд ли сулило особый уют. Не очень молодой путешественник стал придремывать, но вдруг необычный ландшафт заставил его забыть о сне. Возле дороги, на высокой возвышенности он увидел множество гробниц, сложенных из больших плоских плит известняка и песчаника. Начинало смеркаться, и нужно было успеть поскорее осмотреть эти постройки и хотя бы бегло описать. Ученый по опыту знал, что если не сделать этого сейчас же, то потом исчезнет острота восприятия, захлестнут другие дела, как всегда, будет не хватать времени и увиденное затеряется в его памяти. Писать было трудно, ветер рвал бумагу.

Итак, гробницы сооружены из камней, поставленных на ребро, и образуют удлиненные четырехугольники. Они простираются то с востока на запад, то с севера на юг. Между ними заметны два узких столба высотой более сажени (2,13 м).

Затем, сидя снова в тряской карете, П. С. Паллас задумался: подобные сооружения на Таманском полуострове ему еще не встречались. Они не похожи и на стелы крымских татар XIII—XIV веков. Скорее всего, их построили черкесы. Но вот что странно: нечто близкое имеется и возле Судака, на горе Токлук в Крыму, только там они более приземленные (Окрестности города Судака в Крыму (гора Токлук-Сырт). П. С. Паллас видел, вероятно, так называемые кеми-обинские гробницы.

Так впервые в истории изучения Западного Кавказа были открыты дольмены, находящиеся близ станицы Фонталовской.

Академик Петр Симон Паллас, сотрудник Российской Академии наук, в 1803 году издал записки о своем путешествии по окраинам Русского государства не преминул упомянуть о необычной археологической находке. Беглое описание, сделанное им, не осталось незамеченным. Летом 1837 года французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, несмотря на все трудности поездок непроторенными путями по Кавказу, попытался найти гробницы, увиденные П. С. Далласом. И снова ирония судьбы. Только к вечеру он подъехал к «гладкому, как ковер, плато», что находилось к северо-западу от покинутого селения Чокрак-кой, и увидел руины гробниц. Путешественник с трудом разглядел, что они образуют параллелограммы и между ними видны каменные столбы высотой не более одного туаза (около 2 м). Местные сооружения де Монперэ назвал, поднятыми камнями (pièges leveis), так как они образовывали подобие карточного домика. Опустившаяся ночная темень не

позволила как следует рассмотреть древние постройки, и, может быть, благодаря именно этому обстоятельству он тут же решил, что находится среди остатков киммерийского города. Несколько позже, к середине XIX века, известный исследователь Таманского полуострова Карл Карлович Герц попытался основательнее описать местонахождение в Чокрак-кой, но увы... Местные гробницы были уже уничтожены, не оказалось здесь и руин древнего города... Ученому, раздосадованному случившимся, не оставалось ничего другого, как повторить в своей книге «Археологическая топография Таманского полуострова» описания, сделанные предшественниками, добавив, что они, очевидно, оставлены «варварскими народами».

Дольмены Причерноморья привлекли к себе внимание, их стали изучать.

Кавказ всегда интересовал иностранцев. Здесь можно было встретить невиданные экзотические картины, пережить острые ощущения. И не следует удивляться, что в начале XIX века первооткрывателями дольменов стали именно они. Напомню имена только двух подобных исследователей. В 1818 году в бассейне реки Пшады сквозь заросли повоя и скумпии в сопровождении надежных лиц, и среди них географа К. Тауша, пробирался де Мариньи. Ему повезло. Он обнаружил одну из групп пшадских дольменов. Тауш пробовал даже вести здесь раскопки, но, обескураженный малоинтересными находками из верхних слоев (угольки, обломки железа и пр.), прекратил их. В «вояже» Жака-Виктора-Эдуарда Тебу де Мариньи, француза, поступившего на русскую морскую службу, дольмены не были главным делом, он и в дальнейшем не уделит им особого внимания. Его основной задачей являлось установление дружеских и торговых отношений с нутхайцами и шапсугами. Однако это не помешало ему тщательно описать виденные древние постройки. Вот его записи:

«...Между жилищем Индар-Ку и берегом речки имеется несколько строений, которые я осмотрел; их всего шесть, и они показались весьма старинными; каждое из них выстроено из пяти каменных плит, четыре из которых составлены в форме параллелограмма, а пятая сверху, в виде перекрытия, выступающего над вертикальными гранями. Эти оригинальные сооружения имеют двенадцать футов в длину и девять в ширину; поскольку они вросли в землю, их подлинную высоту определить было невозможно. Камни имеют в толщину четырнадцать дюймов; плита, представляющая собой фасад, отступает на аршин в глубину, образуя нечто вроде открытого вестибюля. В том же камне, в его нижней части, имеется круглое отверстие, диаметром самое большее три фута.

Черкесы рассказывают, что эти своеобразные монументы были построены «гигантами» с целью укрывать от непогоды малорослое племя людей, у которых не хватало сил для того, чтобы построить себе жилище; для верховой езды эти люди использовали зайцев. Таково сказочное предание, но я думаю, что эти монументы, до сих пор хорошо сохранившиеся служили могилами какому-то народу, населявшему Кавказ в давно минувшие времена...»

Не правда ли, как просто и ясно написано! И приведена интересная легенда, которая потом будет неоднократно повторяться в литературе.

Второй иностранец, который по воле случая увидел те же самые пшадские дольмены, был Джеймс Белл. Он оставил интересные дневники. В них имеется описание дольменов: «...составлены пятью огромными каменными плитами — четыре по полам, а пятая установлена над ними», дана их приблизительная величина (измерение вел он длиной своей ступни), а размер дольменного отверстия указан примерно — «с детскую голову». Сославшись на описание де Мариньи и раскопки Тауша, пшадские постройки Джеймс Белл отнес к античному времени.

Несколько позже более детальное описание все тех же пшадских дольменов дал директор Керченского музея, обрусевший немец Антон Б. Ашик. Он предположил, что они построены древними ахеями, прибывшими вместе с Язоном за золотым руном в далекую страну Эю - Колхиду.

Как видим, даже единичные находки дольменов - на Таманском полуострове и на реке Пшаде - не только привлекли внимание, но и породили самые неожиданные домыслы и теории. Собственно, трудно сказать, кто же впервые назвал дольменами кавказские постройки! Ведь, как правило, западноевропейские дольмены, которые можно видеть во Франции, Англии, немецких землях и в других странах, сложены из необработанных каменных глыб, а кавказские сооружения, наоборот, собраны из тщательно подшлифованных камней. Само название «дольмен» происходит от кельтских слов *tol* — стол, *men* — камень: каменный стол. Там, в североевропейских странах, имея огромные перекрытия, они напоминают массивные столы.

Уже к середине XIX века в ученых трудах слово «дольмен» закрепилось за древними постройками Западного Кавказа, в то время как местное население до сих пор продолжает называть их по-разному. У

адыгейцев и абхазов это «ис пун» и «спыун» (дома карликов, пещеры), «кеунеж» и «адамра» (древние могильные дома), у мегрелов — «мдиш-куде», «одзвале», «садзвале» (дома великанов, вместилище костей), русское (казацкое) население называет их «богатырскими хатами».

Итак, западно-кавказские дольмены заинтересовали ученых, они стали их искать, описывать сопоставлять с древностями других стран, ища ответы на вопросы: когда же они появились здесь, кто и зачем их построил?

С организацией специальных археологических учреждений в России, особенно Археологической комиссии (1859) и Московского Археологического общества (1864), интерес к древностям России и ее окраин сильно возрос. Однако всю первую половину XIX века археологи занимались в основном только изучением памятников античности, хотя в их разряд попали и дольменные сооружения. По инициативе Алексея Сергеевича Уварова, основателя Исторического музея и Археологического общества в Москве, в местных губернских газетах (ведомостях) стали появляться обращения ко всей читающей публике с просьбой выявлять памятники старины. Кстати, он одним из первых заявил, что «неведение нашей первобытной археологии не может служить предлогом для исключения ее из общего объема всей русской археологии».

Первым откликом на такой призыв, пожалуй, можно считать заметку инженера Гилева (имя его неизвестно), который в 1865 году обнаружил дольмены близ укрепления Лазаревского. Увы, она пролежала без движения очень долго и была издана только в 1915 году. К этому же времени наметился отход от взгляда на дольмены как на сооружения, созданные гением древних греков. Уже известный специалист по дольменам мира Густав де Бонштеттен считал, что Кавказ (Черкесия) явился той частью мира, через посредство которой дольмены из Индии (а они имеются там), распространились двумя ветвями — по Средиземноморью и по Северной Европе, а затем, в период затухания дольменной культуры, на север Африки, где носители культуры окончательно осели, перейдя от пастушества и охоты к земледельческому труду.

Индия. Север Европы... Конечно, античным памятникам как таковым в подобной теории уже не было места.

В 1865—1870 годах хранитель Кавказского музея в городе Тифлисе Фридрих Самуилович Байерн серьезно занялся изучением дольменов. Он осмотрел их у Пшады, у станиц Эриванской, Шапсугской и в других местах и пометил, что дольмены распространены, во-первых, там, где имеется для их постройки материал — плиточный песчаник и известняк, и во-вторых — все они тяготеют к Черному морю. Ф. С. Байерн требовал самого серьезного отношения к фиксации дольменов, к отметкам об их ориентации. Не высказывая никаких экстравагантных теорий, Ф.С. Байерн предполагал только, что сооружение дольменов «не есть явление, свойственное одному какому-нибудь народу». Казалось, что и в дальнейшем все так же неспешно будут идти исследования дольменов: осмотрели, замерили кое-какие интересные детали. Но нет, в археологии часты неожиданности. Вот в 1869—1870 годах полковник Н. Л. Каменев решил провести раскопки дольменов возле станиц Абадзехской, Даховской и Царской (ныне Новосвободная). О его работах можно прочесть, листая пожелтевшие страницы «Кубанских войсковых ведомостей». Верхний слой в дольменных заполнениях, в том числе и в многогранном сооружении, содержал, по его описанию, останки людей, умерших во время эпидемии моровой язвы, а ниже, под ними, были обнаружены следы древних захоронений и интереснейшие находки: бронзовые проушной топор, тесло, нож с округлым лезвием и черешком (у Н. Л. Каменева он описан как «наконечник стрелы в виде весла») и другие предметы.

Стали исчезать сомнения в древности дольменов и сопутствующих им находок. И сразу же возникли предположения, что дольмены можно датировать даже «последними годами периода шлифованного камня» (А. П. Берже), эпохой так называемого каменного века (В. И. Сизов), то есть время их возведения стремились как можно более удревнять. Наиболее осторожным в своем суждении о возрасте дольменов был А. С. Уваров. Он считал, что прежде чем делать какие-либо выводы, необходимо изучить монументальные (мегалитические) постройки всего мира. И решительно приступил к такой работе. Однако смерть помешала ее завершению.

В 1878 году началась подготовка к V археологическому съезду. К этому времени созывы их стали уже традицией. Очередной съезд решили созвать в Тифлисе — центре научной мысли всего Кавказа. Руководители съезда получили письмо от секретаря Кубанского областного статистического комитета Евгения Дмитриевича Фелицына (1848—1903) - большого знатока Прикубанья и будущего основателя научного музея в Екатеринодаре (Краснодаре). Он предлагал свои услуги в изучении кубанских древностей.

В 1881 году, с 8 по 24 сентября, в Тифлисе проходили заседания съезда. Профессор Дмитрий Яковлевич Самоквасов в своем выступлении отметил заслуги Е. Д. Фелицына в составлении археологической карты Кубанской области и в изучении «доселе неизвестных дольменов». Евгений Дмитриевич, сочетая служебные дела с занятиями археолога и историка-исследователя, делал это совершенно бескорыстно, не надеясь на особые почести и славу. Благодаря его многолетним занятиям стали известны многие десятки дольменов. Методика полевых работ тогда не блистала точностью, но его отчеты, хранящиеся сейчас в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, глубиной даваемых сведений не отличаются от экспедиционных дневников именитых археологов Москвы и Санкт-Петербурга. Е. Д. Фелицын сообщал о своих исследованиях в Археологическую комиссию, детально отчитываясь в каждой копейке из тех денег, что изредка выдавали ему для проведения работ на Кубани. Это был человек чести и долга. Он стремился уйти в отставку, чтобы всецело отдаться любимому делу. Однако мечты его не сбылись. Главный труд Е. Д. Фелицына «Западно-кавказские дольмены» вышел уже после его кончины, в 1904 году. В этой работе Е. Д. Фелицын стремился дать конкретные представления о всем разнообразии дольменов, приведя для примера подробные описания древних построек козлоской группы (поселок Каменноостровский), «Богатырской дороги» (близ станицы Новосвободной), дает описание тех материалов, которые ему удалось извлечь из раскопанных сооружений. Это керамика, бронзовые стрелы, оселки для точки ножей и другие предметы. Однако находка «электровой монеты боспорского царя Рискупорида IV» очень смутила исследователя, и Евгений Дмитриевич усомнился в большой древности дольменов, хотя он и не исключал возможности, что поздние вещи могли «случайно в последствии» попасть в них.

Работа Е. Д. Фелицына была дополнена Прасковьей Сергеевной Уваровой. После смерти мужа она серьезно занялась изучением дольменов. В ее путевых заметках можно встретить записи адыгского предания о «сипах» — карликах («не больше пальца»), которые якобы их строили. Она описала двадцать древних построек, виденных ею на пути от Новороссийска до «Головинского поста» близ Сочи. В Джубге она предприняла раскопки известного по сей день дольмена, но здесь была найдена лишь втулка. Написанная П. С. Уваровой статья о дольменах вошла в тот же выпуск «Материалов по археологии Кавказа», в котором издана работа Е. Д. Фелицына.

Третьим автором этого выпуска, был преподаватель Екатеринодарской гимназии, сотрудник Кубанского статистического комитета Василий Михайлович Сысоев. По рекомендации П. С. Уваровой в 1882 году ему было поручено совершить поездку по бассейну Кубани для осмотра археологических объектов. Здесь он насчитал около пятисот дольменов. Изучая более углубленно свой материал, В. М. Сысоев пришел к выводу, что кавказские постройки, как и дольмены мира, были воздвигнуты многочисленным, возможно, даже «кельтским племенем, представители которого перебивали почти во всех местностях Старого света, прилегающих по преимуществу к Средиземному морю». Несмотря на то что кельты обладали довольно высокой культурой, В. М. Сысоев, однако, считал, что кавказские дольмены созданы народом, культура которого «была очень низка: переходная от камня к бронзе и даже железу; но жил этот народ сравнительно недавно, а именно, уже после рождения Христова во II—III веках, а может быть позже».

Итак, к концу XIX века в ученой среде и среди знатоков дольменов все еще имелись колебания, как же датировать эти грандиозные постройки. В этом немаловажном вопросе главную роль играла монетная находка Е. Д. Фелицына. Имя боспорского царя Рискупорида IV, жившего в III веке нашей эры, в разных вариациях фигурировало в научных сообщениях, посвященных времени сооружения дольменов.

Положение изменилось лишь после раскопок профессора Санкт-Петербургского университета Николая Ивановича Веселовского. В 1898 году он производил раскопки курганов у станицы Царской. В двух курганах было обнаружено по дольмену. Они содержали интересные находки — бронзовую и глиняную посуду, бронзовые проушные колунообразные топоры, кинжалы, крюки, серебряные и сердоликовые бусы. Вещей было много, и здесь их все не перечислить. На первых порах свои находки Н. И. Веселовский относил к скифскому времени, «за несколько лет до р. Х. », а затем уже стал датировать эпохой бронзы, сравнивая со знаменитыми микенскими древностями. Немаловажную роль в осмыслении дольменных памятников и других древностей юга России сыграл известный археолог Александр Андреевич Спицын, который первым указал на древность сделанных на Кубани находок. Дольмены Западного Кавказа стали популярными в среде любителей древностей. На поиски их отправились и настоящие ученые, и люди случайные. Особенно много потрудились в начале нашего века работники Новороссийского музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа Г. Н.

Сорохтин и А. Я. Колосов, которые серьезно описали все дольмены, расположенные от Новороссийска до Пшады.

После Великого Октября усилился интерес к Кубанским древностям, в том числе и к дольменам. В новых социальных условиях исследованию памятников археологии придавали небывалое значение: теперь их старались не отрывать от истории местных народов с целью поднять самосознание и культуру. С гибелью каждого памятника старины, как писал тогда популярный журнал «Революция и горец», «книга истории горских народностей края теряет свои страницы, притом, возможно, страницы первостепенной важности». К таким памятникам были отнесены и дольмены. И надо сразу же сказать, что чисто разведочные, поисковые работы теперь стали сочетаться с вдумчивым изучением уже накопленного и вновь обнаруженного материала, а количество выявленных сооружений с каждым годом все росло и росло. Так, в 1924 году близ Красноалександровских аулов Борис Владимирович Лунин нашел десять дольменов, а затем еще несколько новых построек описал известный этнограф-кавказовед Леонид Иванович Лавров.

В 1925 году В. И. Стражев, пользуясь сведениями учителя Э. Ф. Митафидж, осмотрел дольмены у селения Ачандары. Так было доказано, что на территории Абхазии также имеются эти древние сооружения. В 1930 году археолог Михаил Михайлович Иващенко уже ведет раскопки их у селений Верхняя Эшера и Азанта. Если описывать ход исследования дольменов вплоть до настоящего времени, то это займет многие и многие страницы. В этой книге я не ставлю такую задачу, хочу только отметить, что изучение дольменов Кавказа велось без всякого плана. Одних ученых интересовала только карта их распространения, других — содержимое дольменов, третьи обращались к осмыслению добытого материала. Остановлюсь лишь на некоторых научных изысканиях. Как уже говорилось, важно определить время сооружения этих гигантских построек. Многие известные ученые: Ю. В. Готье, В. А. Городцов, А. М. Тальгрэн, Ф. Гончар, Б. А. Куфтин, А. В. Шмидт и другие занимались этим вопросом. Однако самые важные выводы были сделаны крупнейшим археологом-кавказоведом Александром Александровичем Иессеном. Досконально изучив все известные материалы, он наметил три этапа в развитии эпохи бронзы Кавказа, отнеся дольменные памятники ко второму этапу (или, как тогда говорили, — ко второй стадии), датируя их возникновение II тысячелетием до нашей эры (точнее, от 2300 года до нашей эры и позднее). Вопросы, связанные со временем, когда жили племена, строившие дольмены, порождали массу попутных — о быте древних людей, духовной культуре. Попытки разрешить их вызвали к жизни много интересных мнений. На некоторых из них мы еще остановимся. Дольменные постройки, узкой полосой протянувшиеся вдоль восточного (Кавказского) побережья Черного моря, словно перекрывали подступы к древнему миру средиземноморских цивилизаций, связи с которыми угадывались даже при первом знакомстве с местным археологическим материалом. В силу этого вполне понятен глубокий интерес к ним и все те теории, которые вольно или невольно порождали дольмены, так органически слившиеся с закубанским и черноморским пейзажем. Изучение их не закончено, да и вряд ли научному познанию может когда-либо наступить предел. Однако, когда мне пришлось возглавить специальные экспедиции по изучению дольменов, особенно плохо обстояло дело с обмерами древних построек, чертежи их почти отсутствовали. Многие из известных местонахождений были лишь упомянуты в научной литературе, не все типы дольменов подверглись раскопкам, ученые почти не знали поселений, оставленных их строителями. Подобных пробелов хватало. По горячности характера думалось мне тогда — все объеду, опишу и найду. О, нет! Не так было просто, и первая поездка показала все трудности, как поиска дольменов, так и их изучения. Сформированный в 1967 году специальный отряд был мал, но в его составе находились знатоки Кавказа — кандидаты наук: Пшимаф Улагаевич Аутлев, Валентина Ивановна Козенкова и Вадим Викторович Бжания. Повезло нам и со студентами — два крепких парня и милая девушка Нина, а водитель Владимир Савельевич Яковлев мастерски шоферил, прекрасно знал край, будучи уроженцем Лабинска. Базой для нас явился Адыгейский научно-исследовательский институт в Майкопе. Первый маршрут разработали П. У. Аутлев и В. В. Бжания, уже знакомые с дольменными местами. Он пролегал к станицам Даховской, Баракаевской, Ярославской и Новосвободной, а затем через Гойтхский перевал к Туапсе, Джубге и в Абхазию. В начале пути, когда я бросался к любому крупному камню, подозревая в нем искомые сооружения, Пшимаф Улагаевич, щуря добрые глаза, скептически замечал: «Это совсем не то». Некоторое разочарование посетило мою душу, когда наконец-то найденный дольменный развал предстал перед нами кучей колотого камня. Он не показался мне особенно стоящим. Но затем, когда дольмены стали выстраиваться перед глазами не легкими карточными домиками, а массивными кладками плит и камней, возвышаясь над моими личными габаритами, то даже по ночам, наедине со своими мыслями я не мог отойти от впечатления их потрясающей

грандиозности. Жутковатым казалось их безмолвное сочетание с громадами деревьев - и величественными горными далями.

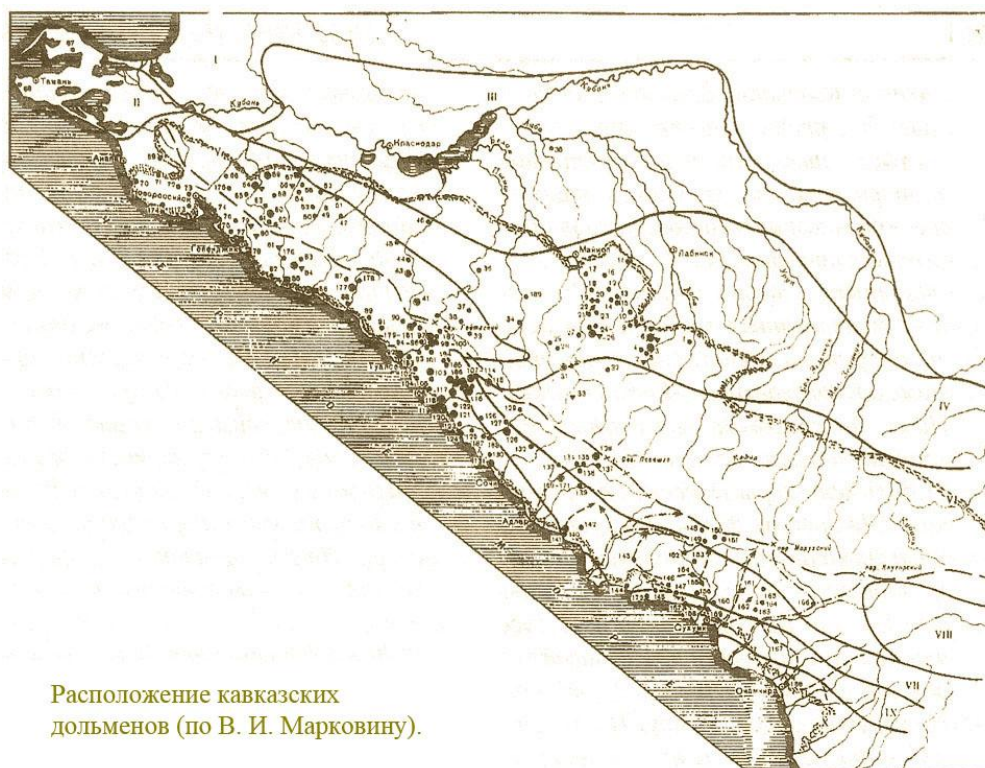
Мокли мы под дождями, нещадно палило жгучее солнце, мерзли ночами на крутогорьях. Все было. Не в этом дело. На ходу вымучивалась методика описания дольменов и способы их графической фиксации. И с утра до темноты в поисках объектов приходилось ездить или продираться через колючие заросли подлеска и душные лабиринты азалий, а затем писать, чертить и рисовать.

Один из первых увиденных нами целых дольменов и сейчас стоит у поселка Каменный Карьер, близ Туапсе. Он хорошо известен ученым. Его видели П. С. Уварова, А. А. Миллер, Г. Н. Сорохтин, Н. В. Анфимов, М. К. Тешев, А. И. Шамотульский. Но я-то встретился с ним тогда впервые. Покрытый опавшими листьями (была глубокая осень), он возвышался горой, а широкое основание уходило в землю. И трудно было найти переход от необработанной скалы к массиву самой постройки. К тому же мощный портал этого дольмена оказался с ложной втулкой, а настоящее отверстие едва заметно виднелось с противоположной стороны.

Прошло целое десятилетие. Я уже привык к грандиозным пейзажам Черноморского побережья, красно-серому гранитному ландшафту Кавказского государственного заповедника и диким, замшелым дебрям Закубанья. Привык к влажной духоте местных лесов, к неожиданным разливам многочисленных кубанских притоков, даже к комарам, но до сих пор не могу не удивляться гению древних строителей дольменов, умевших так плотно скреплять отдельные плиты, что порой не просунешь между ними лист бумаги. Может быть, поэтому ни в какой мере не считаю, что о дольменах мне все ясно, что знаю и смело могу писать о жизни людей, оставивших их. Это было бы чрезмерным обольщением. Но, кажется, наступило то время, когда можно поделиться и бесспорными знаниями о них, и более всего — сомнениями.

О самих дольменах.

Начнем наш разговор о дольменах с территории их распространения. Подобные схемы археологу приходится составлять по разному поводу, и при этом каждый раз возникает масса трудностей. Самая большая - обозначить на современной карте все те населенные пункты и урочища с древними памятниками, которые упоминаются авторами XVIII—XIX веков. У одних давно изменились названия, другие забыты. Вот и приходится рыться в старых справочниках и атласах. Но когда все препятствия преодолены и условные обозначения нанесены, то на схеме предстают перед глазами границы тех или иных археологических объектов, часто равнозначные районам расселения древних племен, выясняются направления бывших торгово-обменных связей и многие другие факты.

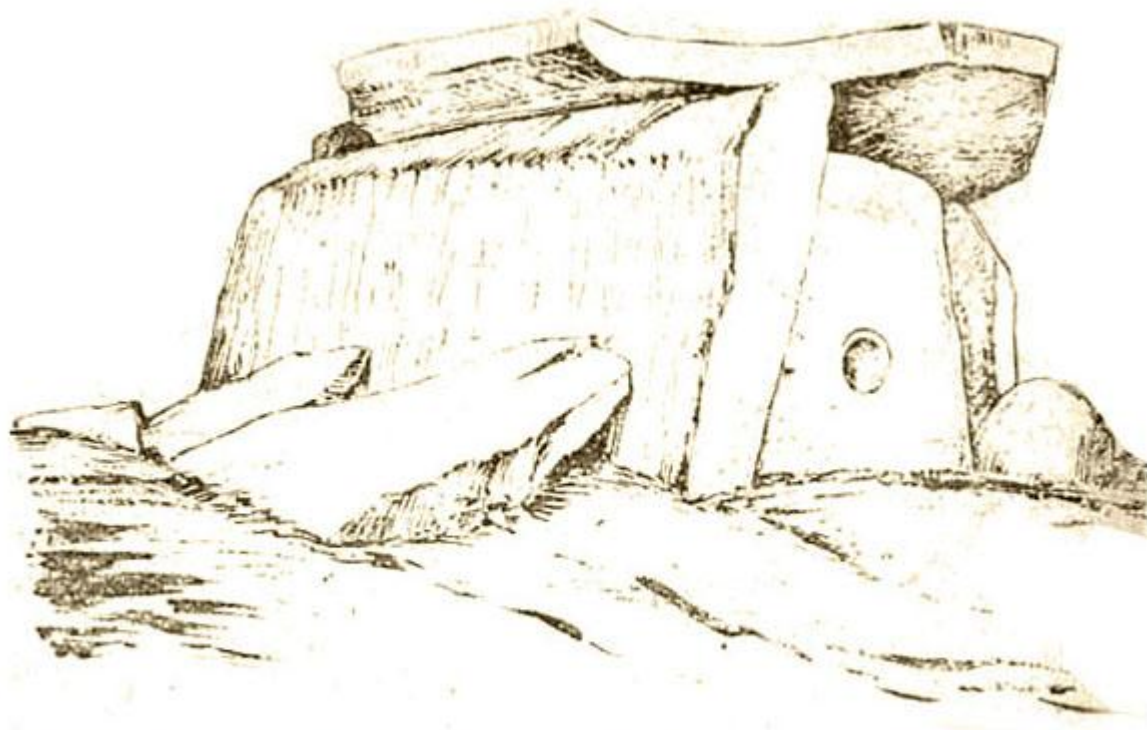

Расположение кавказских
дольменов (по В. И. Марковину).

Самую трудную часть работы по изучению ареала дольменов принял на себя уже упоминавшийся Л. И. Лавров. Им была проведена полная систематизация всех дольменных построек, которые когда-либо возвышались на территории Западного Кавказа. В его труде - своеобразном каталоге дольменов учтено 1139 построек, известных со времени путешествия П. С. Палласа и до 1960 года.

Полевые работы, предпринятые Институтом археологии, как и дополнительное изучение архивных материалов, позволили существенно уточнить эту цифру. К 1976 году, мной было учтено 2308 дольменов (если сведения о каком-либо местонахождении были не очень надежны, то я, как и Л. И. Лавров, предполагал, что в нем могло быть не менее двух сооружений). Но конечно же, некогда их было намного больше. Сколько дольменов могло быть разрушено и поэтому не учтено учеными еще в XIX веке, и сейчас еще пропустили глаза археологов!

Плиточный дольмен, бассейн реки Пшады

Как показала составленная карта, вся масса дольменов - и существующих, и когда-то возвышавшихся - занимала значительную территорию - от Таманского полуострова до города Очамчиры в Абхазии, то есть протянулась она в длину на 480 км. Ширина ее варьирует от 30 до 75 км (наибольшая от Туапсе до Майкопа).

Если учесть, что климат за последние четыре-пять тысячелетий изменился относительно мало, то вся основная территория, занятая дольменами представляет собой горные леса - настолько непроходимые чащобы, что на каждом шагу здесь нужен топор или тесак и на быструю ходьбу не приходится рассчитывать.

Дольменные постройки стоят не бессистемно, обычно их можно встретить по бассейнам рек, близ перевалов и тех давно опробованных дорог и троп, по которым и сейчас еще проходят скотопрогонные пути. Этот факт удалось установить только для Абхазии но и он немаловажен. Здесь пастушеские маршруты полностью совпали с пунктами, имеющими дольмены.

Когда карта распространения дольменов была совмещена с картой простираения основных горных пород, то подтвердилась мысль, высказанная еще Ф. С. Байерном, что дольмены располагались почти всегда там, где имелся удобный для этого материал. Можно назвать только один пункт - аул Уляп, куда для постройки дольмена каменные плиты везли издалека, не менее чем за 40-50 км от скальных выходов. Обычно места добычи строительного материала находятся поблизости — самое большее в 10 - 15 км.

Подойдем поближе к любой хорошо сохранившейся дольменной постройке и внимательно осмотрим ее. Плиты массивны, отесаны и по толщине не уступают современным искусственным панелям. Надо не забывать, что никаких кранов и тягачей в эпоху возведения древних сооружений не было. Дольмены

в полном смысле этого слова творения рук человеческих. Историки единодушно рассматривают их как древнейшие памятники архитектуры. Именно с описания мегалитов («больших камней») начинаются почти все учебные курсы истории зодчества, ведь в произведениях архитектуры неразрывно сочетаются решения практически необходимых, утилитарных задач с чисто художественным творчеством. Каждой эпохе соответствует своя архитектура, образы которой активно воздействуют на сознание и чувства человека. Следует добавить, что архитектура - это не только строительное дело или чисто художественное творчество; это синтез того и другого.

Известный искусствовед Михаил Владимирович Алпатов, изучая древние мегалитические памятники как архитектурные сооружения, писал: «Можно себе представить, с каким чувством собственного достоинства и творческого удовлетворения взирали на эти памятники люди, которые своими усилиями побеждали физическое сопротивление камня». Строя дольмен, человек, по его словам, «путем: нагромождения материала ограничивает пространство; впервые здесь ясно противопоставлены несущие и покоящиеся части; противопоставление это стало основой архитектуры». Из внутреннего пространства дольмена «должен был развиваться архитектурный интерьер». Можно еще вспомнить общий вывод этого ученого: в мегалитах проявляется «начало порядка, в первую очередь ритма, начало, которое в тех или других формах стало главной чертой художественного языка архитектуры». К этим качествам мегалитических построек мира необходимо добавить и такие, как пропорциональность, масштабность, ибо они создают ощущение прочности и грандиозности. Все сказанное применимо и к дольменам Западного Кавказа.

Е. Д. Фелицын, изучая памятники Закубанья, ощущал необходимость детального выявления их особенностей. Он первым решился свести все древние постройки к определенным типам и разновидностям. Однако виденное с трудом укладывалось в условные рамки, ученому не хватило смелости отбросить маловажные признаки дольменов, и его типологические характеристики получились очень дробными. Тут и деления по конструкции стен, по конструкции пола, по углубленности в земле и т. д. Его разработки не выдержали испытания временем. Сейчас археологи пользуются классификацией дольменов, предложенной Л. И. Лавровым. Все многообразие древних сооружений, применяя его данные, можно свести к четырем основным типам:

1. Обычный, самый распространенный тип дольменов - стены, перекрытия, а иногда и пол которых представляют собой отдельные плиты. Этот тип дольменов я в дальнейшем называю плиточным.
2. Составные дольмены - с одной или несколькими стенами, сложенными из более мелких плит и камней.
3. Корытообразные сооружения, то есть выбитые целиком в скальной глыбе, но перекрытые отдельной плитой.
4. Дольмены-монолиты. Они полностью, вместе с крышей высечены в скале.

Что же интересного в их конструкциях? Прежде всего, следует сказать, что почти все дольмены, независимо от их типологической характеристики, схожи. Они обладают тщательно проработанным фасадом (порталом) и, как правило, снабжены отверстием. Изучение большого числа построек позволило прийти к выводу, что древнейшим типом дольменов надо считать именно первый, собранный из каменных плит наподобие карточного домика. Все другие, даже имеющие круглую камеру, внешне сработаны так, что напоминают плиточные сооружения.

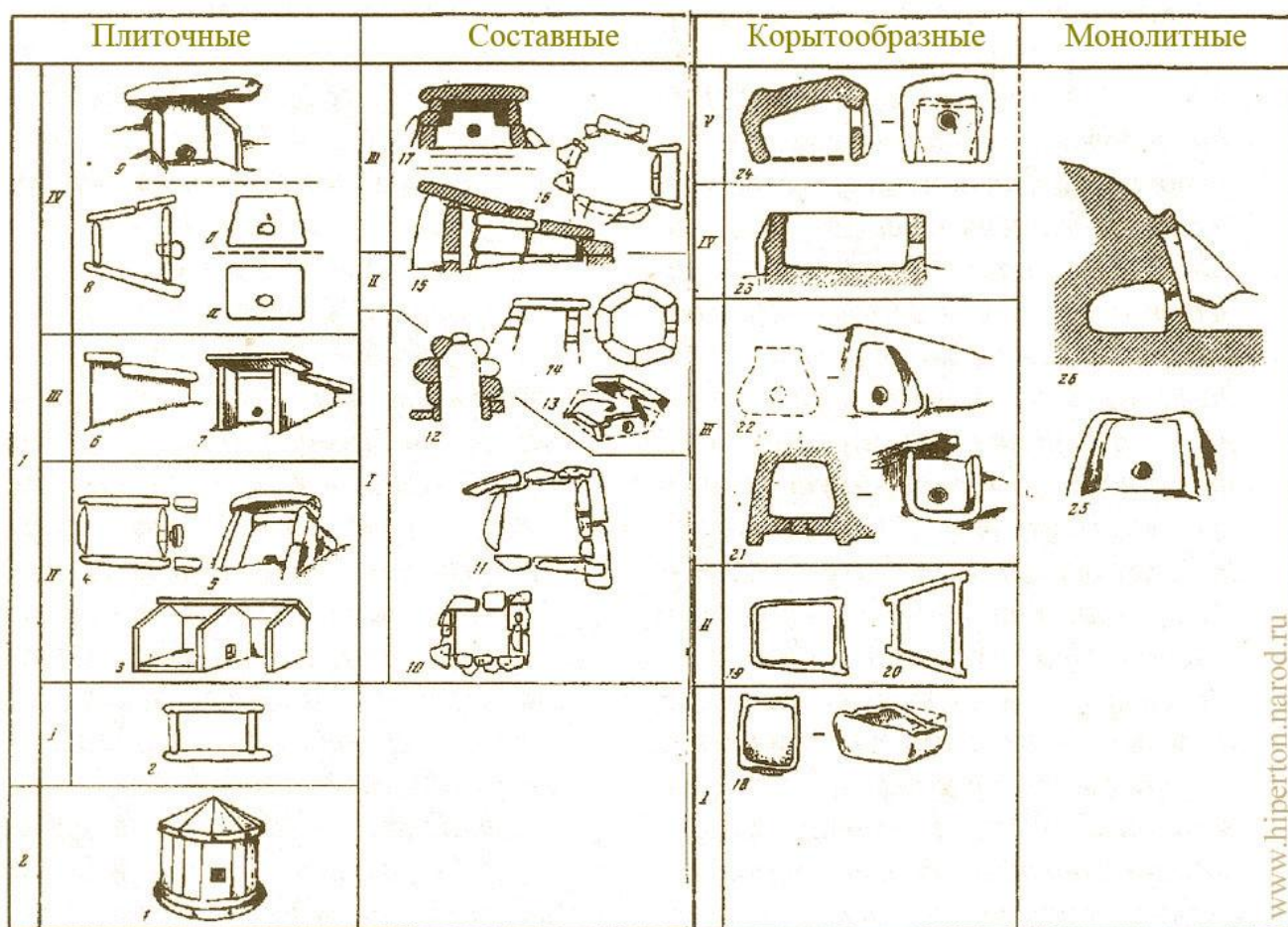
Плиточные дольмены.

Судя по хорошо изученным материалам, плиточные, обычные дольмены встречены в 171 пункте Западного Кавказа. Они составляют 92 процента от всех учтенных сооружений. Вероятно, их было очень много. Но так как они легко могут быть разобраны, то от времени и людей пострадали более всего. Наиболее простые дольмены этого типа не имеют отверстий. Сделаны они так: крупными боковыми плитами прижаты более короткие поперечные, а сверху водружено перекрытие. Такие дольмены Е. Д. Фелицын описал у поселка Ильского, а В. И. Сизов близ города Геленджика. В 1971 году на горе Кислой около хутора Кизинка (бассейн реки Кизинки у станицы Баговской) мы обнаружили одну такую постройку. Ее продольные широкие камни имели пазы-канавки, в которые входили более короткие поперечные стены. В крыше дольмена, состоявшей из огромного пласта известняка, также были выбиты пазы, в которые входили приостренные края плит камеры. Все это сооружение покоилось на крупных и очень гладких речных гальках, что, видимо, привело к скольжению всей конструкции и ее перекосам. Этот дольмен получил порядковый номер 215 и был

пока единственным без отверстия среди многочисленных древних построек, обнаруженных в бассейне реки Кизинки. Древность сооружения подтверждалась не только его архаической конструкцией, но и находкой - колечком, свернутым из золотой фольги. Подобные украшения датируют обычно III тысячелетием до нашей эры и даже более ранним временем.

Отверстия, которые так характерны для дольменов Западного Кавказа, появляются впервые у сооружений с хорошо выделенным порталом. Обычно такие постройки называют двухкамерными, хотя переднее помещение перед отверстием (лазом) скорее особая пристройка перед настоящей камерой. Все началось с рисунков двух двухкамерных дольменов, открытых у станицы Царской и опубликованных Н. И. Веселовским в 1898 году в «Отчетах Археологической комиссии». Сам он рисовать не умел, художника на раскопки не брал, да и обмерные чертей; и не делал. Вот по его описанию и беглой схемке уже в Петербурге были созданы рисунки, которые и сейчас воспроизводятся во многих археологических работах. В них нарушены пропорции (если сравнить их с описаниями) и показаны две камеры. Подобный дольмен совсем недавно, в 1979 году, обнаружен В. С. Бочкаревым и А. Д. Резепкиным там же, где работал Н. И. Веселовский, — у станицы Новосвободной. И та же картина: пристройка перед лазом - притвор, а затем настоящая камера. Но не это важно. Главное - в дольменах с притвором появляются отверстия, а датируются они, по А. А. Иессену, примерно 2300 годами до нашей эры. Отверстия известны в двух вариантах — в виде круглого и прямоугольного проема. Размах их до 40 см. Такого рода лазы закрывались не втулкой, а каменным кружком или плиткой прямоугольной формы и были приперты стоящим камнем.

В бассейне реки Кизинки удалось найти развал дольмена с прямоугольным отверстием и специальной пробкой (с сильно расширенной наружной частью), которой оно было прикрыто.

Типы кавказских дольменов по В. И. Марковину.

Порталы таких дольменов усилены дополнительными плитами. Они плотно пригнаны к стенам камеры и сверху имеют специальное покрытие. Некоторые из подобных сооружений достигают в высоту более 2 м и простираются в длину почти на 5 м. Они были обмерены недалеко от поселков Пшада, Солохаула, у станицы Даховской (Дегуакская поляна), Новосвободной (Богатырская поляна), у Туапсе.

При сборке плиточных дольменов вполне естественно, что торцы боковых плит, зажимавших поперечные, выступают по краям сооружения. Если с задней стороны эти края почти не обрабатывались, то в передней части древние каменотесы стремились придать им внушительность и архитектурную завершенность. Особенно выразительны дольмены, у которых выступы боковых плит возвышаются над всей массой постройки и на них лежит особое небольшое перекрытие. Эти порталные выступы придают дольмену величественность, подчеркивая внушительность сооружения. Впервые чертеж такого древнего памятника, стоявшего у станицы Царской, опубликовал Р. фон Эркерт в 1887 году. У строения было овальное отверстие. Близкий по конструкции дольмен пришлось описывать и мне, работая на Богатырской поляне. Замшелый великан врос в землю, мощные папоротники окружили его, скрывая детали. Пришлось поработать лопатой. Когда были удалены корневища и наплывы земли, перед лазом обнажилась мощная плита, образующая площадку. На нее опирались порталные выступы. Однако у дольмена сохранился в целости лишь один порталный выступ, который возвышался на 205 см. Эта плита достигала толщины 40 см. К сожалению, перекрытие портала не сохранилось. Конечно, подобные дольмены и в древности строили не очень часто. Более обычные плиточные дольмены не имели каких-либо архитектурных особенностей, но это не означает, что они сделаны наспех, кое-как «сколочены». Это добротные постройки. Снаружи тщательно обработана передняя плита, с внутренней стороны за счет приостренных краев она напоминает подушку, отверстие расположено строго симметрично по ее середине. Кстати, у этих многочисленных сооружений чаще встречаются отверстия овальной, полукруглой и изящной аркообразной формы.

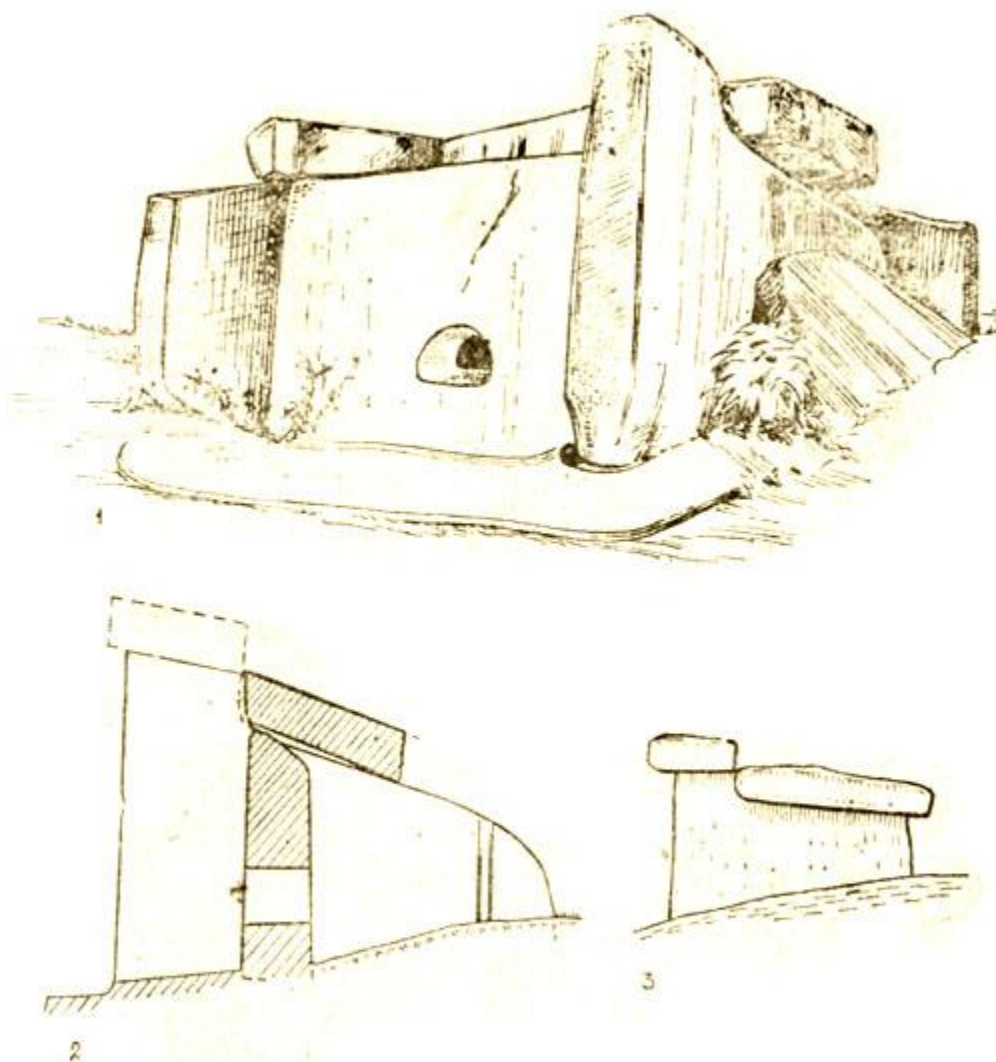
Задняя стена по форме аналогична передней, боковые стены, чтобы гарантировать их прочность, снаружи подперты бесформенными камнями. Они служат контрфорсами - упорами. Все детали дольмена, где только возможно, входят в пазы. Они вышлифованы в боковых плитах, перекрытии (вот оно и держится прочно), в пяточных камнях, то есть камнях, подложенных под дольмены. Соединены они точно, а об их прочности можно судить по непреложному факту - дольмены стоят с эпохи бронзы.

Если сравнивать эти массовые постройки с ранними сооружениями, то можно заметить, как исподволь меняется их конфигурация - от прямоугольного плана к трапециевидному. Большинство дольменов имеют трапециевидные очертания - широкую переднюю часть и узкую заднюю. Приподнят фасад, и высота постройки падает к задней стене. Несколько наклонены внутрь боковые стены, а для этого передняя и задняя плиты кверху скошены — они соответствуют правильной форме трапеции. Иначе говоря, строители стремились всеми способами сделать свои постройки прочными. Форма дольмена - косо срезанная (усеченная) пирамида - не случайность. Она чрезвычайно устойчива, так как конструктивно близка природным конусовидным формам. Такое строение имеют горы (у них широкое основание), по этому принципу растут деревья. Устойчивость конуса и пирамиды объясняется тем, что сила тяжести таких фигур занимает центрально-осевое положение. Древние архитекторы и строители прекрасно знали эту закономерность. Все постройки Египта, Вавилона, Ассирии, Центральной Америки делались несколько пирамидообразными - с широким основанием и более узкой верхушкой. Даже древнегреческие здания, снабженные колоннами разных стилей, построены с учетом все этого же принципа. В странах древнего Востока и в Египте строители прекрасно умели использовать наиболее устойчивые пропорции при сооружении грандиозных построек - храмов, дворцов и гробниц разных форм, а древние математики уже создали специальные формулы для вычисления объема усеченной пирамиды и площади трапеции. Нам, к сожалению, неизвестно, умели ли строители дольменов решать подобные задачи, но чувством пропорций они, безусловно, обладали и практически использовали его. Кому удалось видеть не один и не два дольмена, а с десятков, да еще в разных местах, тот мог заметить, что все они в основной массе похожи друг на друга. Если бы не окружающий пейзаж, то часто плиточный дольмен реки Кизинки можно было бы спутать с постройкой, стоящей около Туапсе или у селения Верхняя Эшери в Абхазии. Те же соотношения частей, те же приемы крепления плит. Но именно это единообразие сделало задачу изучения дольменных пропорций не очень легким делом. Много здесь неясного. Но удалось установить, что постройки разных вариантов - прямоугольного и трапециевидного плана - имеют разные, но строго повторяющиеся, довольно точные отношения длины камеры к ширине и к высоте ее. Четкие соотношения имеются и в отдельных частях дольменов. Изучение древних построек с этих позиций заняло много времени, иногда казалось бесконечным, тем более что целых сооружений,

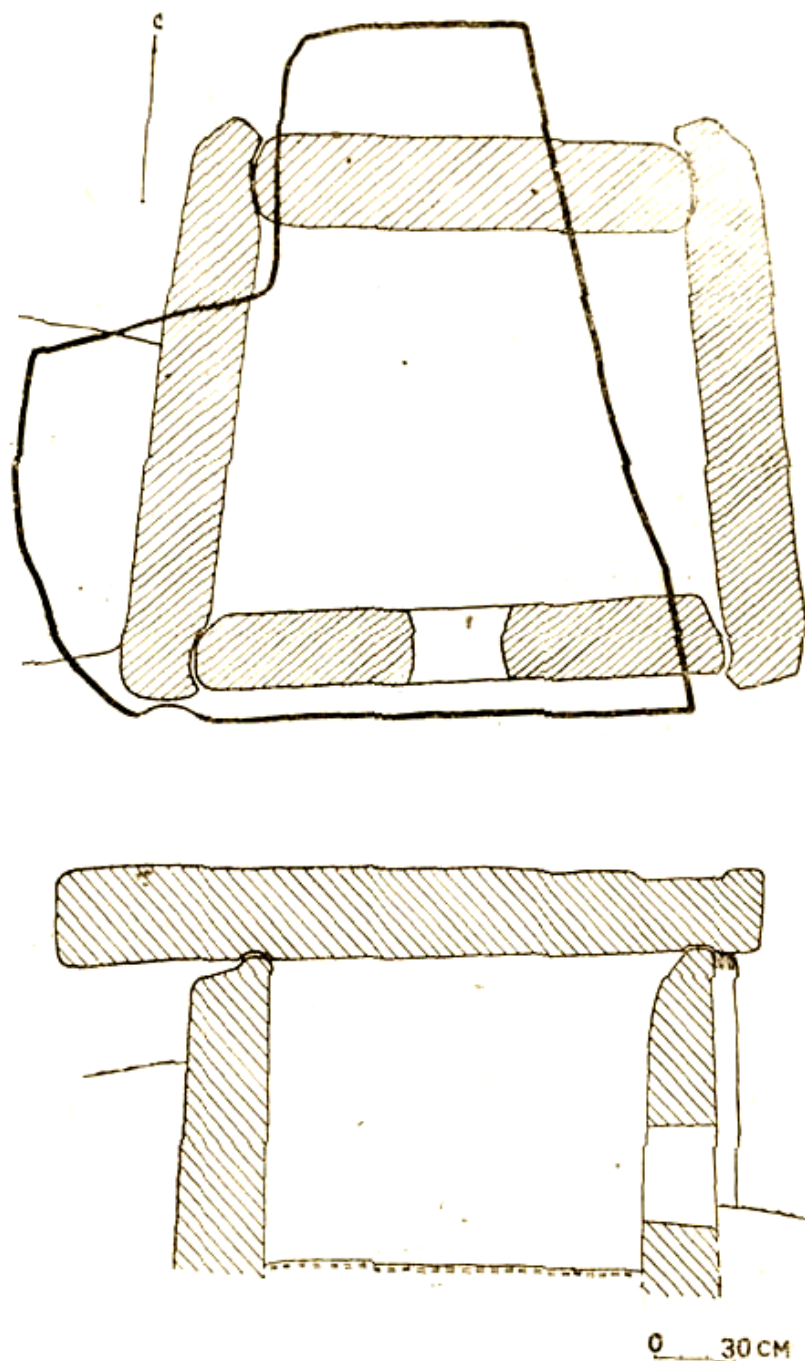

которые могли бы дать все необходимые цифры, известно не так уж много. Но в итоге получены такие устойчивые цифровые ряды, что даже пропуски в них (отсутствие каких-либо деталей дольмена) могут быть восполнены с довольно надежной точностью. К собственным выводам я отнесся не очень доверчиво, и они подверглись проверке преподавателями точных наук Н.-Ф. Г. Полихрониди и Н. Б. Малачихановым. Честно говоря, я против математических методов в гуманитарных науках, а археология таковой и является. Ведь стало модой говорить языком формул о красоте древней керамики, пряжек, изяществе бус, об орнаменте. Формулы иногда дают самые противоречивые данные, загоняя совершенно несхожие вещи в один ряд, словно улыбаясь над подобной математикой. А исследователь в таких случаях, горячась и чувствуя себя первооткрывателем, забывает, что имеет дело с древним мастерством, окрыленным любовью к красивому. Умелец прошлого работал, любуясь своим творением и вкладывая в каждый изгиб сосуда и виток орнамента свое личное и неповторимое «я». Пожалуй, стоит вспомнить, что говорят по этому поводу сами математики. Вот небольшая, но отрезвляющая цитата:

«Сейчас повсеместно отмечается повальная мода на моделирование, программирование, аппроксимацию, алгоритмизацию и т. д. Эта увлеченность не всегда оправдана, под видом математических моделей протаскиваются тривиальности, облаченные в модные знаковые формы и наукообразную системно-структурную фразеологию. Получила распространение мода на то, что можно назвать изобразительной математикой, когда математикообразные формулы используются просто как способ знакового описания явлений.

Дольмены с мощными порталными выступами. 1, 2 — Богатырская поляна (общий вид и разрез); 3 — станица Шапсугская (по Е. Д. Фелицыну)

Дольмен трапецевидной формы (план, профиль). Богатырская поляна

История науки знает примеры научной пустоты, заключающейся в отрыве теории от практики. Вспомним средневековую схоластику. И поскольку современная математизация не всегда заканчивается выходом в практику и, таким образом, не оплодотворяется реальной действительностью, то не исключено, что вполне научная дисциплина может превратиться под математическим воздействием в искусство ради искусства или уподобиться схоластике.

Я боялся со своими цифрами попасть в разряд схоластов, а свою работу о дольменах сделать «непродуктивной», вот почему старался проверить свои данные, сопоставляя их с древними и средневековыми канонами. Одно было бесспорно — без знания и умелого использования пропорциональных соотношений каждый строящийся дольмен был бы непохож на другой, мастера работали бы «кто в лес, кто по дрова», каждый на свой вкус и глазок. А здесь при всем многообразии индивидуального подхода к камню, месту воздвижения дольмена, приемам крепления плит заметно и стилевое единство, характерное только для дольменов Западного Кавказа. И это независимо от величины постройки. Имеются совсем небольшие сооружения — их величина не превышает роста подростка в двенадцать-тринадцать лет, но есть и гиганты. Таков известный дольмен, стоящий у

абхазского селения Азанта. Общая высота его около 300 см, только одна передняя плита имеет длину 251 см внизу, при высоте ее 204 см.

Итак, все эти подсчеты позади. Они позволили установить, что для порталных дольменов (имеющих специальный притвор) ширина камеры в передней части так относится к длине камеры, а затем к ее же ширине, но уже в задней части, как цифровой ряд 10:12:8 или 9. Надо помнить, что при моей системе подсчета, какая бы ни была ширина камеры дольмена у передней плиты, ее надо принять за 10 единиц отношения (попросту разделить на 10). Приведу пример. Дольмен № 67 на реке Кизинке (станция Баговская) имеет ширину камеры в передней части 130 см. Делим на 10, получаем 13. Длина камеры этого дольмена 160 см. Делим на 13, получаем 12. Ширина камеры в задней части 120 см. Снова делим на 13, получаем несколько более 9. Примерные пропорции для камеры этого дольмена будут 10:12:9. Отдельные сооружения этого варианта дают пропорции 10:10:9 (бассейн реки Кизинки, Пшада). Есть серия дольменов, у которых ширина камеры в передней части совпадает почти полностью с ее длиной 10:10:8(9), — селение Верхняя Эшера, река Догуаб, окрестности Туапсе, поселок Каменноостский и другие.

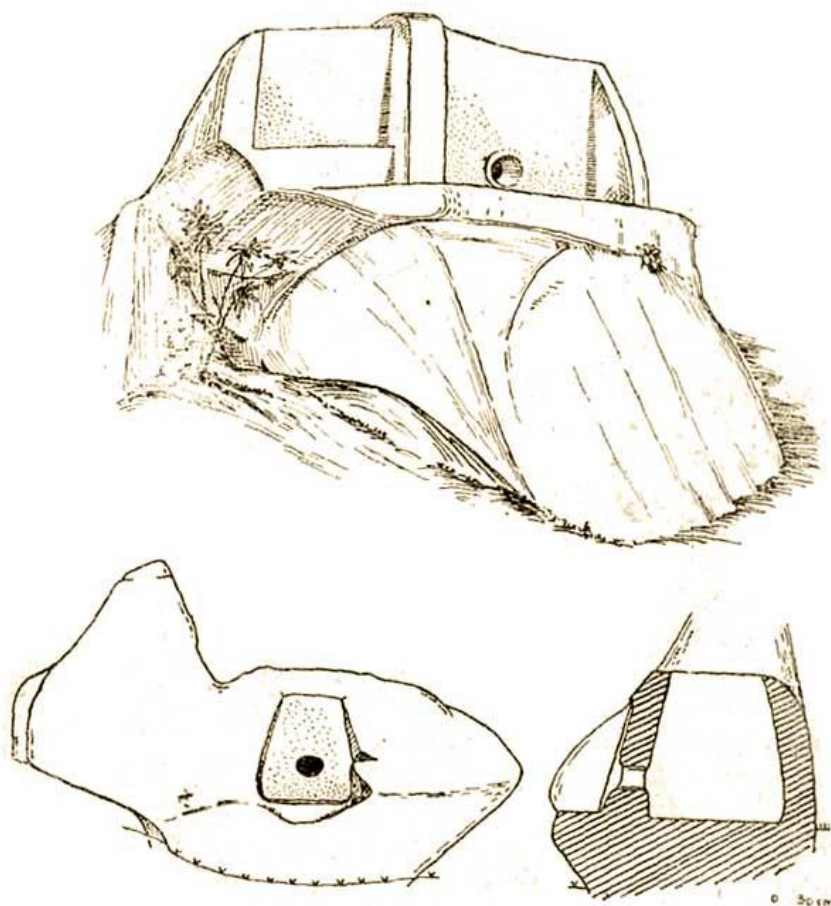
В плане наиболее массовые древние памятники сильно трапециевидны и построены по принципу пропорций — 10:9:8, то есть ширина их в передней части несколько больше длины камеры, и плавно сужаются к задней стене

Не буду утомлять излишними деталями, тем более что они опубликованы. Но хотелось бы, чтобы при встрече с этими древними постройками читатель поинтересовался закономерностями в их конструкции, пытаясь проникнуть в строительную лабораторию древних людей. И холодные камни, открывая секреты древних мастеров, перестанут казаться отчужденно далекими.

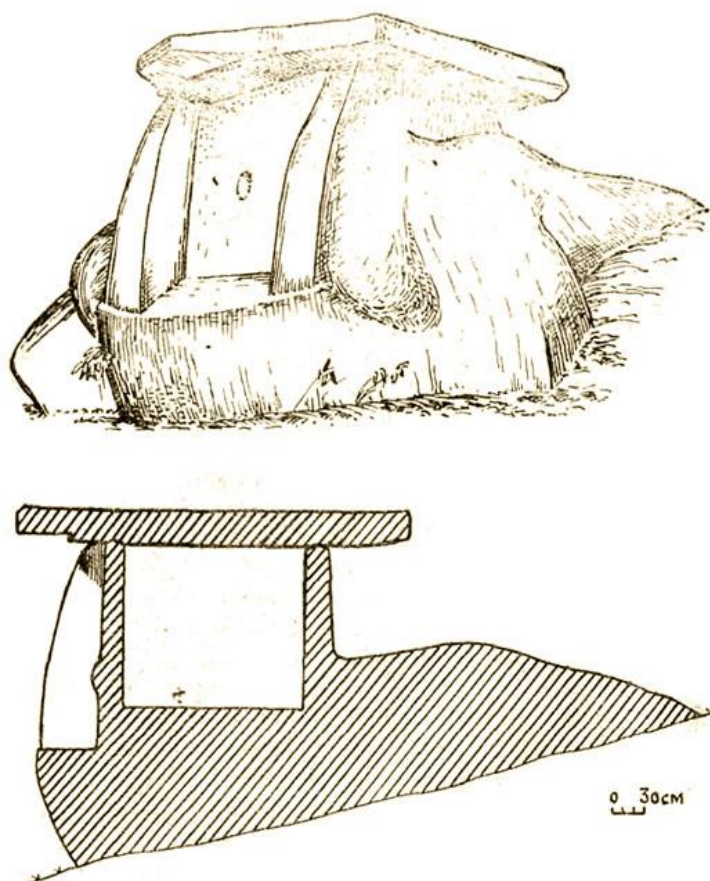
Чтобы завершить разговор о плиточных сооружениях, стоит вспомнить еще об одном виде дольменов - многогранных. Детально никто не знает, как же они выглядели. Во-первых, только одна такая постройка целиком была раскопана офицером Н. Л. Каменевым в 1869 году у реки Фарс. Дольмен был скрыт под каменным завалом и, может быть, не был даже толком расчищен. Во-вторых, раскопщик писал о нем как о шестнадцатигранном сооружении, а Е. Д. Фелицын, который осмотрел его через шестнадцать лет, пишет, что у него одиннадцать граней, каждая из них представляла собой плиту, поставленную на торец. В высоту они достигали 230 см. По рисунку, который опубликовал Б. А. Куфтин и который якобы принадлежал самому Н. Ж. Каменеву, можно определить, что дольмен действительно имел более чем одиннадцать граней. Он был приземистым и покрытым многоскатной кровлей, составленной из треугольных плиток. С восточной стороны внутрь вело квадратное отверстие (величина стороны 37 см). Оно было закрыто втулкой такой же формы. Вся эта конструкция стояла на огромном округлом цоколе. Сооружение, раскопанное Н. Л. Каменевым, содержало ранние вещи эпохи бронзы. О них мы еще поговорим позже.

Корытообразные дольмены.

В 1916 году Г. Н. Сорохтин и А. Я. Колосов в окрестностях Геленджика обнаружили дольмен, задняя часть которого была выдолблена в обломке скалы, а передняя сложена из мелких каменных блоков. Другое подобное сооружение совсем недавно обнаружил М. К. Тешев, научный сотрудник Туапсинского музея, у аула Большое Псеушко. Две стены его (с полом) высечены в скале, остальные части дополнены плитами. Эти довольно примитивные постройки показывают пути перехода к особым корытообразным дольменам, когда корпус сооружения целиком высекали из скалы в виде корыта, и лишь перекрытие было из отдельной плиты. Мне кажется, что по времени они возникли вслед за плиточными сооружениями. И вот почему. Корытообразные дольмены без лаза, однако, с порталными выступами и с прямоугольной камерой, напоминавшие соответствующие плиточные, видели мы на дольменных полях у реки Кизинки. Дальнейшее развитие, опять-таки в подражание плиточным сооружениям, приводит к появлению в них отверстия и камер трапециевидного плана. К сожалению, мне удалось обмерить на реке Кизинке только остатки таких памятников. В длину наибольший из них достигал 220 см. Но В. М. Сысоев в конце XIX века видел подобный дольмен еще целым у станицы Шапсугской. Среди всего разнообразия корытообразных сооружений они кажутся лилипутами — отесана глыба камня ровно таких размеров, чтобы она походила со всех сторон на плиточную постройку.

Корытообразные дольмены (без перекрытия). Виноградное ущелье у селения Солоники.

Ложнопортальный дольмен, стоящий у поселка Каменный Карьер, близ Туапсе

Но вот имеется третий вариант дольменов — «корыта». Они высечены в скальных глыбах или массивных обломках породы. Тщательно обработан лишь фасад — это все та же имитация плиточных выступов и ниши у входа, а остальные стороны — естественная поверхность камня. Здесь инструменты мастера не работали. А вот внутри дольмена, с камерой происходят еще более существенные эволюции: если и сохраняется трапецевидность ее плана и сечений, то все углы закруглены, а чаще всего она напоминает кувшин с широким туловом и с узким, лишь слегка расширенным горлом. У него значительная высота — до 2 м. И сверху этот «кувшин» плотно закрыт плитой перекрытия. Сбоку, как всегда, имеется отверстие. Подобные дольмены можно видеть у селения Солоники, Пшада, Солох-аул. В моих дневниках сохранилось несколько сухих описаний подобных сооружений. Им не хватает красок жизни, но если читатели сами расцветят их солнечными бликами, сумеют представить клочья темно-темно-зеленого мха, ниспадающего по абрису дольменной скалы в ее затемненных местах, и серо-фиолетовую игру чешуйчатого лишайника на световых плоскостях камня, то перед их мысленным взором предстанут величественные памятники древности. Вот один из них. Он находится в Виноградном ущелье, на Склоне горы Монашки, что расположена неподалеку от селения Солоники. Здесь, на краю буйного лесного раздолья возвышается огромная скала желтоватого песчаника. Она неправильной формы, в западной ее части — острый пик высотой 165 см. Камере дольмена, высеченной в этой скале, придана форма узкогорлого, неправильных очертаний кувшина. Высота его 213 см, величина в наиболее широкой части 213X187 см. Верхние края скалы близ «устья» помещения тщательно зашлифованы, что давало возможность плотно подогнать к ним перекрытие (оно, к сожалению, сейчас сброшено). В южной стене дольмена на уровне 43 см от его пола выбит лаз — отверстие овальной формы, которое узким каналом длиной 54 см выходит к фасаду, оформленному в виде суживающейся кверху, глубокой ниши (147X173X70 см). С внешней стороны он расположен на высоте 125 см от поверхности земли.

Однако наибольший интерес среди корытообразных дольменов вызывает серия построек, которую я решил назвать ложно порталной. Мысли, владевшие их создателями, остаются загадочными. Одним из таких является тот гигант, что находится у Туапсе. Он поразил меня еще в 1967 году, в первую мою поездку по дольменам. Аналогичные сооружения в бассейне реки Аше хорошо описаны Л. И. Лавровым и известным кавказоведом профессором Никитой Владимировичем Анфимовым. Эту серию дольменов можно кратко охарактеризовать следующими чертами. При беглом взгляде они ненамного отличаются от других памятников, может быть, более тщательно обработаны со всех сторон, что особенно бросается в глаза, когда они составляют единые группы с корытообразными сооружениями других вариантов (такое соседство можно видеть у селения Солоники и на горе Аутль у Солохаула). Но главная их особенность заключается в том, что при полном отсутствии отверстия в порталной части (на фасаде), которое бы вело в камеру, оно все же имитируется как бы плотно закрытое втулкой, то есть на месте лаза сделана выпуклость, напоминающая «шляпку» втулки («фиктивная втулка», как назвал ее Л. И. Лавров). Но вход в камеру все же сделан, хотя очень незаметно, архитектурно никак не оформлен, а просто пробит в задней или боковой стене. В отличие от основной массы дольменов всех уже описанных типов, ложно порталные обращены настоящими отверстиями не вниз по склону, а, наоборот, выходят к возвышенной части рельефа. Создается впечатление, что по каким-то причинам вход в дольмен хотели скрыть, возможно, его даже забрасывали камнями, землей. Зрители должны были видеть тщательно сделанный ложный портал дольмена. Эх, если бы найти до сих пор нетронутый подобный дольмен, может быть, вопрос, почему же была создана подобная конструкция, хоть как-то был бы прояснен. Но, увы... В ауле 2-м Красноалександровском, где ложнопортальные сооружения стоят прямо на улице и даже под сараем во дворе одного из жителей, они являют собой лишь жалкие остатки — перекрытий нет, камеры вычищены. Изломан дольмен этого типа и у Туапсе, полностью опустошена и лежит каменной колодой и еще одна подобная постройка, обнаруженная у села Дедеркой. Будем надеяться, что кто-нибудь найдет все же не потревоженным такой дольмен и предоставит возможность опытным специалистам изучить его с предельной тщательностью.. К пятому варианту корытообразных дольменов пока я могу отнести только два дольмена. Один находится на горе Хунагет в бассейне реки Аше, а другой — в районе Туапсе (местечко Адигналово). Перекрытий у них нет, так как, попросту говоря, эти сооружения не что иное, как корыта, повернутые дном вверх. Полom является земля, покрытая мелкими плоскими камнями. Но внешне, как и многие другие дольмены, они напоминают плиточные постройки, то есть у них слегка выделен портал и, как обычно, имеется отверстие. Эти дольмены, если не изучать их основательно, могут показаться целиком (вместе с полом) выбитыми в скале. В силу этого их еще можно назвать «ложными монолитами».

Самый крупный из них, найденный на горе Хунагет, возвышается на 210 см, а камера, выбитая в нем, имеет высоту 150 см. Таким образом, толщина потолка у него солидная — 60 см.

Дольмены-монолиты.

Дольмен-монолит в долине реки Годлик, у селения Волконка

В археологической литературе упоминается лишь пять пунктов, возле которых стояли настоящие дольмены-монолиты, целиком сделанные в скале в виде пещерки с небольшим лазом, ведущим в нее. Это станица Холмская, Геленджик, селение Береговое, Архипо-Осиповка и Волконка. К нашему времени сохранился только один. Он выбит в огромной скале у селения Волконка, на берегу реки Годлик, возле минерального источника. Скала серого песчаника, в которой выбит этот монолит, простирается на 15—17 м, ширина ее почти 7,5 м а высота 6 м. Несмотря на такие внушительные размеры «исходного материала», камера дольмена, сработанная в нем, невелика (160X190x94 см) и имеет округлую форму. Это обстоятельство и пугает — разрушить сооружение не столь уж трудно. В него ведет круглое суживающееся отверстие диаметром 45—50 см. Фасад этого памятника оформлен в виде ниши высотой 190 см при размахе 510 см. У входа в него устроено нечто вроде площадки.

Дольменные пробки.

Итак, кажется, очень сжато мне удалось все же описать все типы и варианты дольменов. Как видим, большая их часть имеет с фасада отверстия — лазы. Через них можно было проникнуть внутрь постройки. Формы отверстий со временем не оставались неизменными - от прямоугольных они проделали путь до овальных и аркообразных. Величина отверстия довольно стандартна - от 43 см в размахе до 32 см (по длине) у аркообразных. Отверстия могли служить для ритуального кормления покойника, о чем говорят находки глиняных сосудов у входа некоторых дольменов. В Западной Европе их называют «отверстия для выхода души», что находит подтверждение в этнографических параллелях. Возникает естественный вывод, что дольменное отверстие могло служить не для одной цели, что его функции были многообразными. Видимо, отверстие закрывали втулками («пробками»). Сечение втулки соответствовало форме лаза, поэтому стержень ее мог быть круглым, овальным, полукруглым и плотно входил в него. Снабженная широкой и округлой шляпкой (напоминая гриб), такая втулка надежно предохраняла содержимое дольмена от постороннего глаза. Вот, кажется, о дольменах, как о сооружениях, в основном все.

Как строили дольмены.

Когда медленноходишь к дольмену, и он постепенно словно вырастает на твоих глазах, изумляя своими размерами, то невольно задаешься вопросом: как же их строили?

Уже говорилось о существовании пропорциональных соотношений в их конструкции. Как видно, имелась у древних мастеров и какая-то определенная мера пропорциональности, то, что в архитектуре называют модулем. Обычно это какая-либо очень стандартная деталь постройки. Такой мерой, конечно же, могла служить, допустим, толщина плит или стенок дольменов, но скорее всего это были величины отверстий, более или менее постоянные даже при разных типах построек. Все измерения при этом велись известными с древности для многих народов единицами измерений - стопой (величина следа ноги), локтями (расстояние от локтя до угла между большим и указательным пальцами), пядью руки и т. д. Надо еще знать, что, вероятно, применялась двадцатиричная система счета, характерная для многих народов Кавказа. Откладывая модуль столько раз, сколько это полагалось по канонам для величины стен, их высоты и т. д., получались вполне схожие постройки.

Стройка начиналась с подготовки камня. Его надо было выломать и привезти на место работ. Так как дольмены собраны из материала, который хорошо колетса (песчаник, мелкоструктурный известняк, кремневые и метаморфические породы), то плиты сразу же получались довольно ровными. Конечно же, дольмены, сделанные из относительно мягких пород (песчаник, известняк), выглядят более аккуратными.

В бассейне реки Кизинки плита одного дольмена сохранила следы зарубок. Они расположены в ряд. Их первоначально могли наметить с помощью каменных и бронзовых клиньев, а затем в подготовленные ямки загоняли клинья из дерева, мочили их водой, древесина набухала, и в камне появлялись трещины. Этот способ ломки горных пород даже такой твердости, как гранит, хорошо известен в строительной технике древнего Египта с глубоких Времен. Употреблялся он почти до наших дней.

Но вот плиты в необработанном виде вырублены. Их надо доставить на место. И с помощью катков (равной формы бревен), веревок, человеческой и бычьей силы тащили материал к облюбованному уголку, где будет воздвигнут дольмен. Способ очень древний. Таким же порядком, выбирая свободный каток из-под груза и подкладывая его спереди, некогда перевезли из Карелии глыбу гранита для памятника Петру I в Санкт-Петербурге.

Строительный камень, чтобы быть хорошим, должен подсохнуть, вылежаться. Вероятно, с этой целью привезли груды плитчатого известняка на Масляеву гору, что возвышается по левому берегу реки Кизинки. Везли километров за десять, с правого берега реки, где имеются его выходы. Однако какие-то обстоятельства помешали подтесать камень и сложить дольмены, вот и лежат груды серого, покрытого лишайниками известняка на белоснежном, слабо задернованном фоне мягкого скрытокристаллического гипса, из которого сложены все местные горы.

Хорошая выдержка и просушка камня, как говорил известный архитектор XV века Леон-Батиста Альберти, делает его готовым «против враждебных и вредящих вещей» и «будущего единоборства с веками веков». Особенной прочности достигают песчаники. Они содержат мало глины, меньше впитывают воды, и со временем их поверхность крепнет. Этому способствуют солнечные лучи, которые как бы сплавляют отдельные песчинки.

Но вот камень готов, и мастера приступили к обработке плит. Вероятно, все начиналось с разметки. Для этой цели могли служить острые края твердых камней. И такие орудия были найдены. Сколы на них произведены с двух сторон, получался грубой формы диск с острыми зигзаговидными краями. Он хорошо уместается в ладони и разительно напоминает древние, еще каменного века скребки. Только вид довольно свежий, новенький. Найдя подобные образцы, я решил проконсультироваться. Обратился к П. У. Аутлеву - специалисту по эпохе камня. Немногословный Пшимаф Улагаевич

отодвинул на край стола мои находки и медленно произнес: «Судя по сколам и характеру поверхности - это не эпоха камня. Что-то иное, более позднее».

В дальнейшем такие камни для разметки дольменных форм все чаще встречались нам возле древних построек.

Но вот разметка окончена. В дело шли куски грубых абразивов — кварцита, гранита, разных конгломератов. Поверхность камня приобретала все большую гладь и оформленность, появлялись в нужных местах канавки будущих пазов, прорезь отверстия. Тут уж в дело шли клиновидные каменные и бронзовые орудия. Они хорошо заполированы и напоминают ножи наших рубанков. Следы их работы заметны на стенах многих корытообразных дольменов. Лезвие у них имело ширину 3—4 см. Завершали работу шлифовальные куранты - камни округлой формы, с более широкой рабочей частью (основанием). Ими доводили плиты до нужной чистоты и глади. Можно думать, что строители так же много использовали орудий из дерева - молоты-киянки, клинья, употребляли отвес. Но самое трудное было впереди. Это сборка дольмена. Ведь речь идет о толстостенных и тяжелых плитах. Вот только два примера. Небольшой дольмен № 53 из бассейна реки Кизинки имеет всего-то в высоту 120 см. Сделан из известняка. Если взять объемный вес его (1 см³ - в граммах за 2), то получается, что плиты его весили 6795 кг. Другой дольмен покрупнее. Находится он у реки Догуаб, близ Геленджика (у подъема к Михайловскому перевалу). Высота его 170 см. Собран из плит песчаника, объемный вес которого 2,6 г/см³. Получается, что общий его вес 25 190 кг. Здесь, конечно, даны цифры для довольно идеальной толщины плит. Но они дают все же общее представление, с какими тяжестями приходилось иметь дело. Вероятно, на строительство выходили огромные людские массы, они применяли бревенчатые рычаги-ваги, подсыпки, внутренние леса, чтобы плиты не завалились (затем их убирали). Часто дольмены прислонены к склонам, это помогало в самой сложной операции — наводке перекрытия. Очевидно, и форма большинства дольменов — трапециевидная и падающая к задней стене — обусловлена необходимостью медленно, волоком перемещать покровную плиту снизу вверх — к фасаду. Сейчас дольмены молчаливы, пискнет изредка мышь — и только. Но сколько крика и гама впитали они в себя: и ритмичные понукания (наподобие наших «раз-два взяли» или «давай-давай») и радость удачи, и вопли ужаса при беде. Увы, перекрыть дольмен удавалось не всегда. Так, составной дольмен в Гузеришле, о котором уже говорилось, не был перекрыт по всем правилам; Покровная плита не легла на свое место, получились зазоры, а порталные выступы так и остались без особой узкой плиты — специально для них изготовленной кровли.

Не будем гадать, сколько времени с обработкой плит занимало сооружение дольменов. Мне кажется, что не очень мало. Ведь постройки создавали не только качественными, как принято сейчас говорить, но и архитектурно обдуманно, скупыми средствами, иногда только пятью камнями, выражая и мощь, и грандиозность, и молчаливую суровость. Право, древние строители были большими мастерами своего дела.

Раскопки дольменов (археологический материал).

Начиная с апреля и почти до серых осенних дней в Институте археологии не смолкает гам. Это идут желающие попасть в экспедиции, куда-нибудь поужнее, к берегу моря, под солнце, к фруктам. Увы, не грешу против правды. Редко кто хочет в Сибирь, к комарикам, или в Вологодчину. Кавказ котируется высоко. К сожалению, даже для многих и вполне грамотных студентов из жаждущих поехать, широкого географического понятия Кавказа не существует. Это в первую очередь — Черное море, затем Каспий, а промежуток, то есть собственно Кавказ, зачастую как бельмо — безликое пятнышко. И собрать хороший экспедиционный состав дело далеко не простое. Нужно, чтобы ребята были сильными, выносливыми, не боялись холода и зноя, тяжести лопаты и вкуса старого, зачерствелого хлеба. Серьезно относились к делу, к работе, если надо — от зари до зари в пыли и без всякой перспективы на купание. Вот в основном наш труд, даже если он происходит где-то недалеко от лазурных вод моря. Хороший экспедиционный состав, отсеиваясь, формируется из года в год. И вот, когда такой коллектив наконец-то сложился, можно утвердительно сказать: дело будет!

О нет, я не отвлекся от дольменов. Я подхожу к их исследованию. Ведь это не так просто — ехать и что-то научным образом копать, по плану, с мыслью. Тут и сотрудники должны быть подготовленными, и руководитель внутренне собран настолько, чтобы в любом случае не раскисать.

Раскопки дольменов, честно говоря, меня немного пугали. Что и как копать, если в основном они пусты, заполнены щебнем, бутылочным стеклом и консервными банками — следами скорых тризн недалекого времени. И еще пуговицы. Вероятно, это следы попыток проникнуть в дольмены.

В 1967 году в Сухуми с целью посоветоваться, что и как делать, я посетил известного археолога, уже копавшего дольмены, Льва Николаевича Соловьева. Он был серьезно болен. И все же порадовался моему приходу. Говорил он мягко, округляя фразы и вскидывая временами клинышек бороды. Он снова мечтал вслух, мысленно шагал в горы, преодолевал кручи и лесные заросли. Его серо-голубые глаза, подернутые лихорадочной краснотой, были мечтательны: «Если бы мне еще пришлось встать и снова, обретя силы, углубиться в горы, к дольменам, я бы копал их со всех сторон. Не менее двух метров, а то и больше вширь от их периметра. Ведь неизвестно, что древние люди могли потерять, а то и специально оставить возле дольмена. Обязательно копайте. Как это хорошо - быть в горах и серьезно поработать».

Мы так и сделали и в первый наш раскопочный период, когда все было внове, и в последующие годы. Копали, как посоветовал Л. Н. Соловьев, со всех сторон, отступая от дольмена на 2—3 м. К сожалению, было трудно наладить раскопки дольменов большой площадью, по квадратам, планомерно двигаясь от одной стороны раскопа к другой. Этому мешала в первую очередь разбросанность самих дольменов и малое количество рабочих. Ведь там, где есть дольмены, нет поселков, а где многолюдье, там не осталось древних построек. Вот и приходилось бегать от одного раскопа к другому, чертить открывшиеся детали дольменов, фотографировать, помогать расчищать находки, рисовать общий вид наших объектов, описывать ход раскопок и попутно решать массу различных вопросов, например, как поднять и снова опустить на место ту или иную плиту. И все же, несмотря на все наши усилия, находок было мало. Вокруг дольменов встречались обломки камня — следы обработки плит, абразивы и те самые терочки, которыми шлифовали их. И керамика. Целые сосуды почти не встречались, одни осколки. Вот, пожалуй, и все. Внутри дольменов, если не был полностью обнажен пол, шли следы посещения их нашими современниками, а затем уже, поглубже, то рациональное, из-за чего стоило возиться в пыли и сырости. Содержимое дольменов почти всегда неоднородно. Отбросим позднейшие наслоения. Ниже иногда встречались средневековые остатки. Так, в одном из крупных и довольно древних дольменов реки Кизинки основное содержимое в XIII—XIV веках выгребли и захоронили коня с удилами того времени. Попадались иногда находки античного времени - обломки амфор и другой посуды. Это в дольменах, расположенных близ побережья, где в то время древние греки вели обширную торговлю и возводили свои поселки. Был случай, когда один из пшадских дольменов обогатил наши коллекции наконечниками скифских стрел VII—V веков до нашей эры. И все же не эти находки нас более всего волновали. Естественно, мы терпеливо и аккуратно фиксировали все, но истинную радость вызывали те немногие предметы — окатанные обломки керамики и кости, - которые лежали на самом дне дольменов и относились ко времени жизни их строителей. Они были свидетелями той необычайной цивилизации эпохи бронзы, которая оставила в горах Западного Кавказа мощные постройки, устоявшие до наших дней.

К сожалению, нам удалось расчистить далеко не все типы и варианты дольменов. Эта мечта осталась неосуществленной. Но все же многих из них коснулась наша лопата. А если к тому, что сделано нами, присоединить материалы раскопок Б. А. Куфтина, А. А. Иессена, О. М. Джапаридзе, Л. Н. Соловьева, Ю. Н. Воронова, В. В. Бжания и И. И. Цвинария, то получится некоторая емкая сумма данных, освещающих культуру строителей дольменов.

В 1906 году некто А. Д. Беляев весьма авторитетно сделал предположение о том, что дольмены служили «кухнями для обжигания и высушивания трупов или пьедесталами для костров», а отверстия в них могли быть просто поддувалами». Я не представляю себе, как это все могло происходить, и почему автор выдвинул такую «теорию»: следы костров в дольменах нам почти не встречались, за исключением отдельных угольков и следов «возжиганий» самого последнего происхождения. Правда, в дольмене № 84, который раскопали мы на Дегуакской поляне (станция Даховская), один из

человеческих скелетов, находившийся в центре, имел обгоревшие кости. Но утверждать, что эти останки были положены в дольмен одновременно с другими, не имевшими следов огня, нет оснований. Интересно то, что археолог Евгения Павловна Алексеева древние захоронения, побывавшие в костре, связывает с предками абазин. Такой обряд, который можно назвать кремацией, практиковался ими в эпоху раннего железа — с IX-VIII веков до нашей эры. Можно ли связывать с ними это единственное, явно побывавшее в огне, но очутившееся в дольмене захоронение, я пока не знаю. Может быть, дальнейшие работы археологов раскроют подобные факты, что поможет дать им объяснение. Кстати говоря, кремацию умершего совершали не в раскопанном нами дольмене: следов ее в нем нет. Это делалось где-то на стороне, и лишь затем обугленные кости поместили в центр дольмена.

Раскопки можно уподобить работе криминалиста, с той лишь разницей, что добытая истина служит только науке. Исследования дольменов позволили также изучить те конструктивные детали, которые долгие годы были занесены землей, покрылись дерном и кустарником. Особенно запомнились мне раскопки корытообразного дольмена № 2 у селения Солоники. Внешне он ничем не был примечателен. Плита перекрытия сдвинута в сторону и расколота настолько, что в дольмен можно было бы попасть сверху, если бы внутри кувшинообразная камера не была заполнена песком, который, вероятно, осыпался с его стен так, что даже отверстие оказалось закупоренным. А сверху к тому же накопился большой слой дождевой воды, и даже росла какая-то осоковидная растительность. Итак, «кувшин» дольмена превратился в небольшое болотце с лягушками и прочей живностью. Пришлось ведрами удалять воду. Насчитали мы их немало. Затем освобождать от черного пахучего ила и бесчисленных корневищ, и только потом, ниже отверстия, пошел сырой, но мелкий и ровный песок. На глубине около 2 м было обретоено дно дольмена неправильной овальной формы. На нем лежали кости, принадлежавшие четырем человекам. Это не были целые скелеты, а лишь отдельные кости. Некоторые из них аккуратно уложены, но так, как в человеческом теле они никогда не сочленяются (например, плечевые и бедренные кости). Подобное явление не новость для археологов, когда-либо работавших в восточной части Кавказа (Чечне и Дагестане). Здесь оно было тщательно изучено К. Ф. Смирновым, Р. М. Мунчаевым, В. Г. Котовичем и М. Г. Гаджиевым. Встречались и мне такие останки. Однако можно думать, что обряд вторичных захоронений на Западном Кавказе возник самостоятельно, независимо от его прикаспийской части. Появился он, вероятно, в силу ритуальных требований хоронить только одни кости. Это могло произойти при бытовании того мнения, что период до полного разложения трупа не может мыслиться настоящими похоронами, может быть, связывали это время даже с «исхождением души». И только полное распадение скелета, когда отдельные кости можно было собрать, осмысливалось как истинные похороны. На подобной основе сложились особые зороастрийские верования. У последователей зороастризма к тому же труп не может соприкасаться с землей, ибо он нечист и оскверняет ее. Зороастрийцы складывали кости в особые ящики и вместилища, которые принято называть оссуариями. Б. А. Куфтин, один из известных исследователей дольменов, склонен был рассматривать их тоже своеобразными оссуариями. Очевидно, ему часто встречались постройки с подобным содержанием.

Но не надо думать, что все дольмены можно оценивать глазами зороастрийца. Нет. Обряд захоронений в дольменах не был стабильным. С течением времени он менялся, теряя одни черты и приобретая другие. В ранних сооружениях с хорошо выделенным порталом известны погребения с одним, реже двумя костяками (так у археологов обычно принято называть скелеты). Умерших, судя по их позам, клали скорченно, на боку. В более простых массовых постройках — усаживали по углам. Количество покойников в таких случаях, естественно, возрастает. Судить о том, что археолог встретил именно сидячее погребение, нетрудно. При такой позе от скелета сохраняется грудка костей: внизу берцовые, бедренные, таз, затем кости плечевого пояса и позвоночник, а сверху, если не скатился, — череп. Право, когда пишешь о наших чисто археологических способах «опознания» поз умерших, способов положения «во гроб», немного мутно становится на душе. Невольно вспоминается шекспировская сцена, когда Гамлет рассуждает с черепом Йорика в руках. Но без этого нет раскопной практики, не было бы и такой важной для древней истории науки, как археология.

Итак, создается определенная схема изменений в обряде похорон в дольменах: от скорченных одиночных трупоположений, далее захоронений в позе сидя и к вторичным погребениям. Эта схема при сопоставлении ее с архитектурными особенностями построек позволяет наметить линию

эволюции как в самих сооружениях, так и в ритуалах, связанных с похоронами в них. С этими кратко обрисованными наблюдениями неплохо бы сочетать схему эволюции вещей, которые сопровождали на «тот свет» погребенных в дольменах. Увы, находки, сделанные в них, так малочисленны и фрагментарны, что строить «эволюционные ряды» пока еще рано. Мне кажется, что только по немногим образцам можно сказать: это вещь более древняя, чем та. Возможно, я не настолько храбр, чтобы, имея осколки посуды и около сотни находок другого рода, взяться за такой «экскурс». Придет время — возьмется другие специалисты.

Однако о вещах как таковых все же стоит поговорить более детально. Но прежде, чтобы дать о них полное представление, следует рассказать о поселениях строителей дольменов. Увы, они нам почти неизвестны. Небольшая стоянка, вероятно, место, где временно, только на период строительства дольменов, жили люди, была обнаружена нами на горе Аутль (близ селения Солохаул), недалеко от дольменной группы. Ничего существенного здесь найдено не было, но сохранились следы костров и обломки керамической посуды. Такого же типа становище нашли мы в 1970 году неподалеку от самих сооружений на Богатырской поляне («дороге») у станицы Новосвободной. Более мощное поселение в 1949 году описал краевед и музейный работник Иван Иванович Аханов в северо-западной части Геленджикской бухты. Собранные им коллекции хранятся в музее Геленджика. И. И. Аханов считал, что они принадлежат ко времени неолита (позднее - «новая» фаза каменного века). Его материалы осмотрел А. А. Иессен и сообщил, что основная масса керамических обломков «позволяет считать, что мы имеем дело с комплексом II тысячелетия до нашей эры, но никак не с памятником неолитического времени».

Раскопок на этом месте И. И. Аханов не производил, но ему удалось обнаружить на его территории шесть хозяйственных ям. Глубина их достигала 0,8 м (от современной поверхности 1,4 м и 0,6 м — наносы, отложившиеся на территории поселения за последующее время). Края ям были обмазаны глиной. Среди находок помимо керамики, следует отметить каменную мотыгу, костяную муфту для крепления какого-то орудия и небольшой каменный столбик конической формы - это «высверлина», получившаяся при изготовлении каменного топора или булавы с проушиной - отверстием для насадки на рукоять.

В 1970 году нашей экспедицией было обнаружено крупное поселение. П. У. Аутлев торжественно предложил называть его Дегуакско-Даховским поселением «дольменостроителей». Под этим названием оно и вошло в научную литературу.

Прогуливались мы тогда впятером (Л. С. Ильюков, С. Ф. Едранов, В. П. Макарихин, О. Г. Плетнев и я) по пахоте, проложенной вдоль реки Белой. Стояла глубокая осень. Розово-желтыми полотнищами лесов были покрыты окрестные горы, из-за них веяло легкой прохладой. Свинцово-серые воды Белой уходили в паутинную дымку dalej. За беседой мы я не заметили, как прошагали изрядное расстояние по просыхающим пластам земли. И смотрели при этом вниз, под ноги: а вдруг мелькнет, на счастье, древний черепок, кремешек или что-нибудь посолиднее. И это «вдруг» возникло внезапно. Большие фрагменты сосудов, терочки, обломки зернотерок. Мы разделились и, медленно передвигаясь, стали прочесывать участок, наиболее насыщенный находками. Уже ими были забиты все карманы, шапки, все, что можно было считать тарой. Запыленные, уставшие, но довольные удачей, вернулись мы в лагерь. Так был найден еще один жилой комплекс эпохи строительства дольменов. В 1971 году на территории поселения начали раскопки. К сожалению, нам не удалось вскрыть большую площадь. Но и те 68 м², что были обнажены, позволили обнаружить два горизонта находок. Иначе говоря, два периода в заселении этого поселка. Как видно, верхний его ярус свидетельствует о периоде интенсивной жизни на нем, а нижний — о первых попытках освоить местные земли. Здесь на глубине до 1 м были найдены остатки каменной кладки, вероятно стены жилого помещения, три хозяйственные ямы несколько грушевидной формы, гончарный горн (для обжига посуды) с образцами сильно пережженной керамики. Этот древнейший горизонт позволил собрать много интересной керамики, изделий из кости и камня. Расчистка верхнего горизонта дала возможность обнажить отдельные участки пола, обмазанного глиной и плотно утрамбованного. Сильно пережженная земля вокруг них, возможно, указывает на мощный пожар, который уничтожил поселок, и жители его ушли искать пристанище на каком-то другом месте. Бытовые остатки и тут оказались разнообразными — следы очага, плавильная печь со следами металлообработки (бронзового литья), еще одна

хозяйственная яма и масса самых разнообразных находок. Это поселение оказалось расположенным всего в 200 — 250 м к югу от известного дольменного поля, которое со времен Е. Д. Фелицына носит название Дегуакского местонахождения. В период наших работ здесь можно было насчитать 140 дольменов (целых и в развалах).

В связи с раскопками Дегуакско-Даховского поселения вполне закономерно возникает вопрос: а можно ли с уверенностью говорить, что это поселение оставлено строителями тех самых дольменов, что стоят неподалеку между зарослями боярышника, алычи и кизила? Да, можно. Дело в том, что керамика, найденная в местных дольменах (здесь мы раскопали восемь построек) и на поселении, одной и той же формы, состава; близка она и по орнаментации. Вот почему все эти находки, происходящие из дольменов и с поселения, можно рассматривать как нечто единое.

Еще одна удача, связанная с Дегуакско-Даховским поселением. В гончарном горне нижнего горизонта мы собрали большое количество древесного угля (сохранились целые углевые «полешки»). По ним удалось установить, что горн последний раз разожгли около 4050 лет тому назад (ошибка в этих подсчетах в ту или иную сторону незначительна). Вот где материал для живописца или писателя, если мастер сумеет ярко представить и древних людей, и их окружение!

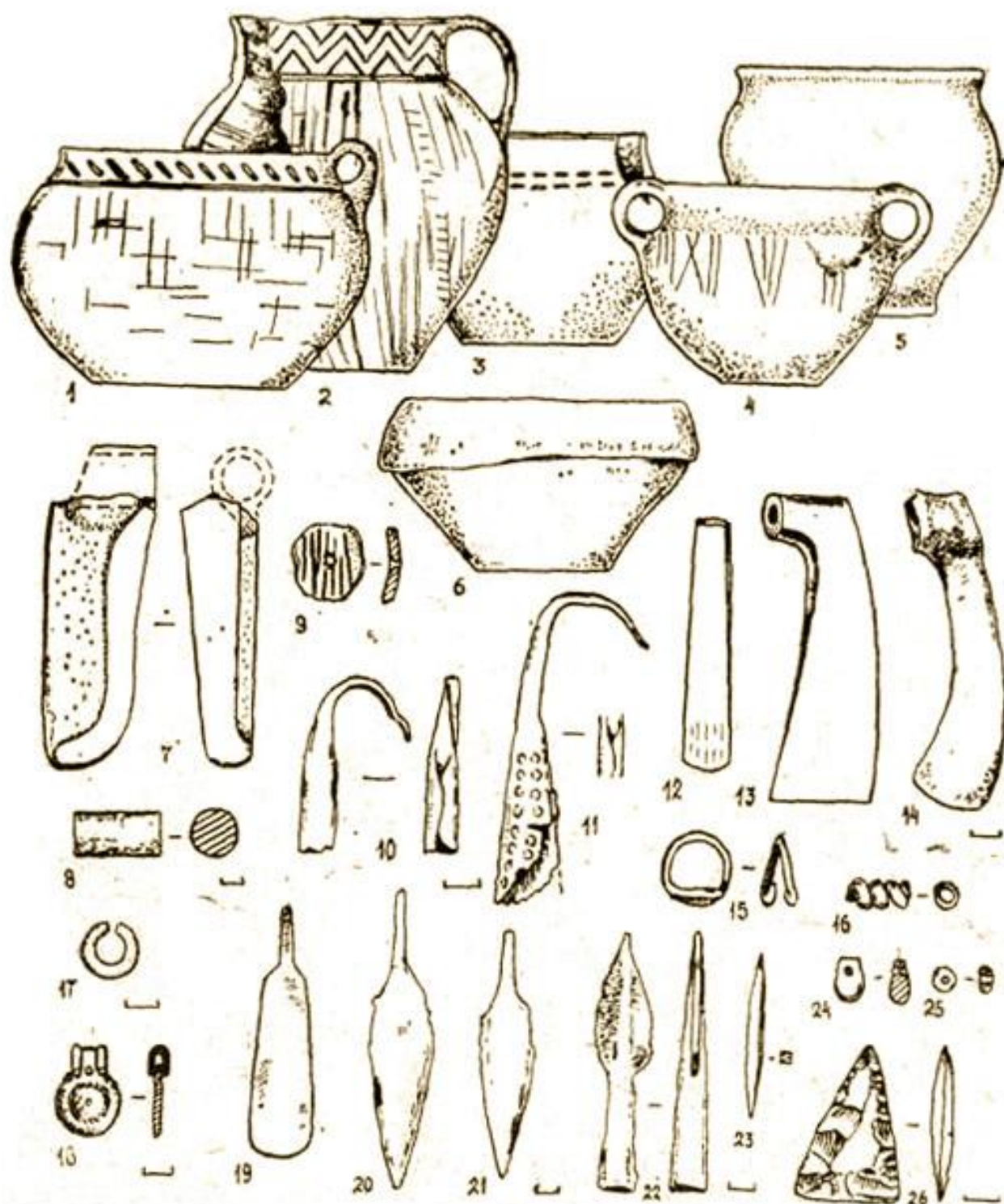
Итак, мы имеем значительную сумму находок. Попробуем хотя бы в общих чертах ознакомиться с ними. Начнем с керамики. Для археолога глиняные черепки, какими бы невзрачными они ни казались, очень важны. Посуду из-за хрупкости в древние времена далеко не возили, ее делали на месте. Каждый народ, племя, даже небольшая группа людей имела и имеет, если она обслуживает себя, свои любимые формы посуды и свойственный ей декор - орнамент. К тому же керамика со временем мало деформируется и предстает перед глазами исследователя почти в первозданном виде.

Есть среди археологов такие, которые часами с упоением могут говорить о формах древних сосудов, примесях в их тесте, об обжиге, орнаменте и способах его нанесения. Можно позавидовать их лексическому мастерству - столько в их словах и лиричности, и деловой сухости при описании венчиков, шеек, плечиков и других керамических деталей. Но я даю слово не очень утомлять читателя.

Все разнообразие посуды, которой пользовались строители дольменов, можно свести к восьми типам. Наиболее I редко встречаются сосуды округлых форм со слегка отогнутым наружу венчиком. Иногда наоборот - как бы слегка втянутым внутрь или даже в виде «стоячего воротничка». За своеобразие формы их иногда называют «реповидными». Орнамент, покрывающий их, несложен - в виде круглых вдавлений, которые, вероятно, образовывали зигзагообразный пояс. Вот еще два обломка с Геленджикского поселения и из дольмена № 75 реки Кизинки. На них нанесен углубленный орнамент в виде свисающих и заштрихованных зубцов - узор вообще характерный для дольменной посуды.

Округлой формы сосуды с носиками, наподобие чайников, часто встречаются в странах Востока и Средиземноморья. Обломки носиков, которые были найдены на Дегуакском поселении, так и не удалось, к сожалению, «воссоединить» с другими черепками, чтобы иметь представление о местных «чайниках».

Предметы дольменной культуры: 1—6 — сосуды отдельных типов; 7, 8 — литейная форма и вкладыш; 9 — пряслице (глина); 10—16, 18—23 — изделия из бронзы; 17 — колечко из золотой фольги; 24, 25 — бусы из сердолика; 26 — наконечник дротика (кремнь). 1, 2, 24, 25 — Красная Поляна; 3, 7—9, 26 — Дегуакско-Даховское поселение (станция Даховская); 4, 23 — Дегуакская поляна (станция Даховская); 5, 11, 15, 17, 20, 21 — бассейн реки Кизинки (станция Баговская); 6 — Зацепина поляна (станция Баговская, по Е. Д. Фелицыну); 10 — станция Абадзехская или река Фарс; 12, 13, 19 — бассейн реки Фарс (находки Н. Л. Каменева); 14 — станция Баракаевская; 16 — Верхняя Эшера (Абхазия); 18 — поселок Каменноостровский (находка Е. Д. Фелицына); 22 — селение Солоники.

Сосуды более вытянутых пропорций с плавным изгибом венчика составляют второй тип керамики. Они встречаются с ручками и без них. Интересна деталь, которую подметил еще Е. Д. Фелицын. Речь идет о креплении ручек. В виде плавно изогнутой петли они примазывались вверху к венчику, а внизу, расширяясь, — к тулову. Но, чтобы крепление было более прочным, в заготовке ручки формовался стерженек, а в самом сосуде проделывалось отверстие и «заклепка» ручки, продетая в него, примазывалась к стенке сосуда. Среди этой серии керамики имеются даже целые образцы, и, надо сказать, они производят яркое впечатление. Поверхность сосудов, в отличие от реповидных, не гладкая, а шероховатая, словно расчесанная не очень частым гребнем. И следы расчесов покрывают не только лицевую, но и внутреннюю сторону керамики. Неравномерный обжиг, дающий пятна то густо-черные, то яркого кирпично-красного оттенка, и еще в сочетании со штриховкой от сглаживания заставляет сосуды мерцать, вибрировать на свету. А орнамент в виде зигзага, елочки, зубцов, кружков, то едва намеченный, то сильно углубленный, с нажимом, делает древнюю посуду завершению прекрасной. Жаль только, что в основном это обломки, которые и реставрации почти не поддаются.

Более приземисты сосуды третьего типа. У них едва намечены венчики. Один из них, найденный в Красной Поляне, украшен орнаментом в виде нескольких рядов растянутых зигзагов. Они нанесены специальным штампом. Его накладывали еще по сырой глине, стремясь сохранить ритмичность узора, не нарушая его графической соразмерности.

Сосуды четвертого типа напоминают пузатые кринки с высоким горлом, а пятый тип — это высокие посудыны биконических форм. Кружки, близкие нашим питьевым и также имеющие одну ручку (только она отходит от края венчика), — такова шестая разновидность дольменной керамики, а седьмая — это довольно высокие сосуды с почти прямыми стенками. Они вполне могут называться баночными, так как действительно напоминают по форме нашу стеклянную тару для консервированных компотов и варенья. Всевозможных форм миски — не прямыми, идущими на конус стенками, и изящно выгнутые, как среднеазиатские пиалы, и напоминающие чугуны для варки каши — составляют последнюю, восьмую разновидность посуды. Изредка миски по краю украшены нарезками, углублениями, пальцевыми вдавливаниями. Иногда орнаментом покрыт и край мисок — сверху на них, при сервировке древних пиров, было приятно взглянуть. Среди мисок интересен сосуд с крышкой. Его нашел Е. Д. Фелицын в дольмене, что стоял на Зацепиной поляне у станицы Баговской. Еще следует сказать о миске-поильничке, с вытянутым носиком, которая без всякого сомнения, служила для кормления младенца. Она лежала в одном из дольменов, обнаруженных М. М. Иващенко в абхазском селении Верхняя Эшера.

Вся описанная посуда сработана от руки, может быть, на очень примитивном гончарном круге. Многие из сосудов встречались в распавшемся виде, и было заметно, что формовали их ленточным способом, то есть глиняной массе придавали вид жгута и постепенно, по спирали накладывали его, формируя сосуд. Днища делались отдельно, в виде круглых лепешек, а затем примазывались к стенкам. Делали это искусно. Стенки у дольменной посуды тонки, примеси в ней хорошо измельчены и не мешали тщательности формовки. В качестве примесей должны «оттоптать» глину, чтобы она не лопалась при обжиге, древние гончары добавляли толченые раковины речных моллюсков, кристаллики кальцита, измельченный гранит и хорошо просеянный песок. Они были знатными мастерами своего дела. Размеры посуды вполне сопоставимы с современными небольшой емкости кастрюлями, чугунами, мисками, байками и кружками.

Помимо той посуды, которая в основном здесь описана, из глины делалось много предметов. Вот пряслища-маховички для веретен, что были необходимы при изготовлении пряжи. На Дегуакско-Даховском поселении найдены обломки не менее семнадцати льячек-тигельков удлиненной формы, употреблявшихся при литье металла. Некоторые из них имеют следы окарины и капельки запекшейся и позеленевшей от времени бронзы. Но самая интересная находка, также связанная с металлообработкой, была сделана все на том же поселении. Это обломок одной из двух створок литейной формы, предназначенной для отливки вислообушного топора. Найден был и глиняный цилиндрок, который вставлялся в форму на место проушины в процессе отливки.

Эти находки дают право рассказать и об изделиях из металла. Прежде всего, главным и ведущим металлом была бронза. Сейчас специалистами, благодаря ряду спектральных анализов, выяснен ее состав. Это были мышьяковые бронзы, то есть основной примесью в этом сплаве являлся мышьяк. Примесь его к меди до 8 процентов придает металлу значительную прочность и ковкость, дальнейшее увеличение приводит к хрупкости, но зато гарантирует идеальное заполнение формы. Это позволяло варьировать свойства металла, добавляя или уменьшая соответствующие присадки. Если нужно было

изготовить нож, шило и другой предмет, требующий дальнейшей проковки, то мышьяком не злоупотребляли. Такие бронзы имели нарядный золотистый цвет. Если же стремились получить небольшую вещь, но покрытую узором, мышьяк добавляли до 30 процентов, металл становился серебристо-серым, на его поверхности после снятия литейной формы можно было видеть мельчайшие детали декора. К сожалению, пройдя ступени веков, древняя бронза попадает в наши руки покрытая патиной - ярко-зелеными окислами. Хорошо еще, если это благородная патина — тонкая, блестящая, не уродующая форму предмета, а если тусклая и рыхлая, то истинный рисунок орнамента наверняка будет утерян.

Вот из такой бронзы и сделаны оружие, орудия труда и украшения, которыми пользовались строители дольменов. Находок подобного рода не очень много, в основном они обнаружены раскопками Б. А. Куфтина, О. М. Джапаридзе, М. М. Иващенко в Абхазии, кое-какие предметы извлечены из дольменов нами. Среди них можно выделить ножи (они могли служить и кинжалами). Наиболее архаичным является нож с закругленным лезвием (им колоть невозможно), найденный Н. Л. Каменевым на реке Фарс в многоугольном плиточном дольмене. Близкие по форме ножи с черенками нашли Б. А. Куфтин и О. М. Джапаридзе в дольменах селения Верхняя Эшера в Абхазии. Интересно, что им можно найти аналогии среди средиземноморских и древневосточных находок. Некоторые ученые называют их бритвами. Так ли это, проверить сейчас трудно. Вряд ли ныне какой-либо гражданин возьмется за брадобрейный эксперимент. Иная серия ножей имеет приостренно-листовидную форму. Они также имеют черенки и напоминают небольшие кинжальчики. Эти ножи и послужили, вероятно, прототипами для создания обоюдоострого оружия самой различной формы. Особенно похож на кинжал удлинённый нож, обнаруженный Л. Н. Кольщенок среди дольменов горы Ачишхо в Красной Поляне. И совершенно законченный кинжал представляет находка, сделанная О. М. Джапаридзе в одном из дольменов селения Верхняя Эшера. У него хорошо заточенный клинок ромбовидного сечения и четко отделенный от него массивный черенок.

К дольменным находкам можно отнести и несколько бронзовых топоров, служивших одновременно оружием. Один из них, происходящий из станицы Саратовской, напоминает колун. Это массивное орудие клиновидной формы, проушина у него, как и у других топоров эпохи бронзы, круглая. При работе топорище приходилось подбивать и расклинивать, чтобы сам колун не вращался. Понадобилось много времени, не менее 2000—1500 лет, пока человек решил делать проушину овальной или хотя бы приостренной, и тогда работать стало намного легче. Известны также топоры со слегка свисающим обухом. Они узки и изящны. Щеки втулки у одного подобного топора (Верхняя Эшера, раскопки Б. А. Куфтина) украшены выпуклым литым узором — туго скрученной спиралью, заключенной в четырехугольную рамку. Как видно, красота вещи начинает занимать немаловажное место в быте древних людей.

К орудиям труда можно отнести и тесловидные клинки (наподобие ножа для современных рубанков), и обоюдоострые шилья.

Особую серию бронзовых предметов составляют крюки, которые известны в нескольких образцах. Имеются литые, богато орнаментированные выпуклым узором в виде ползущих змеек с утолщенными головками, зигзагов, елочки, кружочков. Сбоку проделано сквозное отверстие для стерженька, которым соединялось древко с крюком. Таковы два одинарных крюка, найденных Б. А. Куфтиным в дольменах у селения Верхняя Эшера. Здесь же он нашел и третий крюк, который можно назвать тройным, так как у него три изогнутых разветвления. Втулка его богато орнаментирована литым шнуровым узором. Найдены и более упрощенные крючья, свернутые из толстого листа бронзы. Один из них был в дольмене № 75 в бассейне реки Кизинки. Корпус у него покрыт выбитыми «жемчужинами» — круглыми выпуклинами. Подобные орудия, известные с самой ранней поры эпохи металла вполне имитируют бычьи рога (букрании). Употреблялись они в качестве своеобразных вилок — для извлечения мяса из котлов во время пиршеств. Можно предполагать, что это были большие общественные ритуальные обеды, на которых вкушали мясо священных животных. Интересно, что у осетин во время кувдов - молитвенных пиров еще недавно употреблялись такого же вида крючья. Правда, они сделаны из железа. И сейчас в некоторых местечках Осетии можно встретить дзуары — святилища, в которых хранятся подобные вилы. Вне праздников ими не пользовались. Вообще на все имущество дзуаров налагалось табу, и только строго определенные лица возглавляли подготовку к пирам и весь процесс ритуальной трапезы.

Нам осталось остановиться только на некоторых металлических украшениях, которыми исследователей не очень часто балуют дольменные постройки. Это прежде всего височные подвески, свернутые в виде спиралек в полтора оборота. Они встречаются овальной и круглой формы. Первые сделаны из тонкой

проволоки, а вторые более массивны. Археологи считают, что их нашивали на женский головной убор - накосник. Может быть, это и так, но если вспомнить тяжелые ушные украшения у некоторых народов Африки, когда продырявленная мочка прямо-таки провисала от их веса, то вполне возможно, что и находимые нами кольца заменяли привычные для нашего глаза сережки. Они хорошо блестели и вполне могли соперничать с игрой глаз древних жительниц Западного Кавказа, Спиральки-накосники дополняли убранство их прически, а бронзовые шаровидные и слегка уплощенные бусины украшали грудь и одежду. Бусы из металла дополнялись бусами, сделанными из стеклянной пасты и камня. Настовые изделия редки. Это импорт из стран Передней Азии. Только там, мешая тонкий кварцевый песок и глину (каолин), умели создавать пасту приглушенных тонов — зеленоватого, сероватого, чуть розового и формировать из нее мелкие бусы в виде цилиндриков. Каменные бусы скорее всего местного производства — они сделаны из голубовато-серого халцедона и красного сердолика. Галечки их можно найти на берегах Черного моря и среди речных камней. Особенно красивой и редкой формы бусы были найдены в дольмене № 84 Догуакской поляны (станица Даховская), Они имели каплевидную форму (наподобие «зубов оленя») и у вершинки были аккуратно просверлены. Чаще встречаются бусы «рубленого» типа. Так называют просверленные цилиндрики, которые очень грубо разбиты на дольки, сколы их неправильной формы не подвергались шлифовке. Их носили в таком «первозданном» виде. И сейчас иногда употребляют подобную технику изготовления бус из янтаря. Игра, камня при этом более бесхитростна и естественна. На Востоке, в том числе и на Кавказе, издревле любили красный камень. Сердолик можно назвать первейшим. Чтобы придать ей густоту тона, камень прокаливали на огне, запекая в хлебе. И тогда он получал огнисто-оранжевый цвет. Об этом камне слагали легенды: он, считалось в средние века, уничтожает сердцебиение, приносит радость и благоденствие. Не буду продолжать этот экскурс. Верования в чудодейственную силу и магические свойства этого камня возникли давно, очевидно в эпоху бронзы, а может быть даже раньше, ведь в составе древних ожерелий почти всегда присутствуют одна - две сердоликовые бусинки. Яркие, красно-оранжевые, словно согревающие взгляд, такие бусы и начали делать в ту пору, когда человек в поисках хорошего камня и руды не раз просматривал выходы горных пород.

Но уж если мы заговорили о камнях, то следует остановиться и на других каменных изделиях, дошедших до нас от строителей дольменов. Прежде всего, это вкладыши для серпов. Их делали из кремневых пластин. С одной стороны их слегка зазубривали — это рабочий край. Вбивая несколько подобных пластин в слегка изогнутую роговую, костяную или деревянную основу, получали неплохой жатвенный нож. Почти все найденные вкладыши уже побывали в работе. Края зубчиков заполированы до блеска и изрядно затуплены. Вкладыши были найдены и в дольменах, и на описанных поселениях. Из кремня изготавливали также наконечники для стрел. Они всегда поражают почти ювелирной тщательностью отделки. Треугольно-приостренно и формы, они имеют то прямосрезанное, то выемчатое основание. Более крупные наконечники с черенком могли оснащать дротики. Твердые породы типа кварцита употреблялись для пестов разной формы, пряслиц и таких грубых орудий, как мотыги.

Инвентарь, которым пользовался древний человек, дополняли изделия из рога и кости — это проколки, заменявшие металлические шилья, пуговицы, всевозможные муфты для крепления каменных и металлических орудий к рукоятям. Иногда из них же вытачивали бусы и подвески, но такие вещи недолговечны и почти не дошли до наших дней.

Ну вот мы и покончили с основными археологическими находками. Читатель, хорошо знающий научную литературу, может возразить — ведь здесь совершенно не описаны богатейшие находки из дольменов станицы Новосвободной. Да, верно. Дело в том, что в этих дольменах найдены вещи совершенно иного вида, чем те, что обычно встречаются в них. Ученые относят их к майкопской культуре. Названа она так по кургану Ошад, что стоял в Майкопе еще в конце XIX века. Племена, оставившие его, жили в Прикубанье в III тысячелетии до нашей эры, пользовались очень своеобразными предметами (они и дали археологам возможность говорить об особой культуре) и хоронили своих сородичей в ямах, окружая их каменными кольцами. Что же случилось, как попали вещи майкопского типа в дольмены? Не знаю, и пока никто не знает. Мне, например, кажется, что здесь произошло почти то же самое, что и в дольменовидных гробницах на реке Кяфар. Уже готовые дольмены использовали «майкопцы» в знак своего превосходства над противником, а им могло быть в это время еще тогда редкое население, строившее дольмены. Но это мое предположение, и я на нем не очень-то настаиваю. Жду других, более веских объяснений.

Итак, все типы дольменов описаны, и читатель познакомился с вещами, которые могут относиться ко времени их создания (что еще может быть в них найдено — мы пока не знаем). Осталось подвести

некоторый итог. Чтобы не очень утомлять попутными рассуждениями, я приведу уже опубликованную сводку хронологических соотношений между дольменами разного типа.

А. Древнейшим типом дольменных построек являются плиточные сооружения, у которых отсутствуют отверстия — лазы, а отдельные стены сложены насухо булыжной кладкой. Их появление можно приблизительно относить к 2400 году до нашей эры.

Вслед за ними возникают дольмены новосвободненского типа (так называемые «двухкамерные постройки») и сооружения с особым порталом в виде приставных плит у фасада. Для них характерны: камера удлиненной формы, прямоугольные и круглые отверстия, вероятное отсутствие пяточных (опорных) камней. Эти дольмены часто засыпаны каменно-земляной насыпью (вполне возможно, что перед фасадом ее не было). Время их возникновения можно ориентировочно относить к 2300 году до нашей эры.

Одновременно и несколько позднее возникают дольмены с камерой почти квадратного плана и сложенные из плит прямоугольных очертаний. Отверстия у них в основном круглые. К 2100 году до нашей эры, можно предполагать, возникают постройки более четкого трапециевидного плана с мощными порталными выступами. Почти одновременно с наиболее ранними плиточными дольменами возникают корытообразные сооружения без отверстий, перекрытые крупной плитой. Несколько позже появляются и первые составные дольмены. Эти постройки своими пропорциями и внешним архитектурным оформлением подражают формам и декору плиточных дольменов.

Описанные сооружения предназначались в основном для индивидуальных захоронений, реже - двух-трех покойников, положенных скорченно, при сильной засыпке охрой.

Одинок среди ранних памятников стоит многогранный дольмен, обнаруженный на реке Фарс. Можно думать, что он был собран почти одновременно с новосвободненскими гробницами. .

Б. Эпоха расцвета дольменной культуры приходится на первую половину II тысячелетия до нашей эры. В это время широкое распространение получают плиточные постройки трапециевидного плана и таких же профилей. Они обладают довольно четкими пропорциями. Трапециевидность, как уже говорилось, придавала постройкам устойчивость, облегчала их сборку и наводку перекрытия. Отверстия у них приобретают разные формы (от круглых до аркообразных). Дольмены теперь стоят на тщательно обработанных пяточных камнях. Многие сооружения прислонены к склонам. Курганообразные насыпи над ними отсутствуют.

Помимо плиточных дольменов, в это же время довольно широкое распространение получают составные и корытообразные сооружения. Их форма и внешнее оформление находятся в прямой зависимости от плиточных построек. Корытообразные дольмены часто высекают в огромных скалах, придавая им вид дольмена только с фасада. Вероятно, к концу этого периода возникают дольмены, близкие монолитам.

Обряд погребений меняется, в них появляются сидящие костяки. Их располагают по углам камеры и в центре. Охру для засыпки умерших употребляют мало.

В. Поздний период в строительстве дольменов приходится на середину и начало второй половины II тысячелетия до нашей эры. Плиточные постройки этого времени теряют четкость пропорций.

Вероятно, тогда же появляются корытообразные дольмены с камерами округлых очертаний и в виде кувшинов, а также ложнопортальные сооружения (с ложной втулкой). Среди составных дольменов возникают постройки с нависающими блоками - с ложным сводом (типа дольмена в Гузеришле). К концу периода возникают дольмены-монолиты. Многие из построек в это время используются для вторичных захоронений в качестве своеобразных костехранилищ.

Это схема. Она, конечно же, потребует уточнения. Иначе и быть не может, так как археология - развивающаяся наука и каждый день приносит все новые и новые материалы, и у специалистов возникают новые мнения и взгляды.

Курган Псынако I близ Туапсе.

Лето 1984 года набирает силу. Уже несут из подмосковных лесов лукошки с грибами, наливаются и рдеет на солнце рябина. Приближается июль. В этом году экспедиции у меня нет, и я могу заняться чтением накопившейся литературы. Такая перспектива меня очень радует. И вдруг в отделе полевых исследований Института археологии мне предлагают поехать в район Туапсе и включиться там в раскопки кургана со звучным названием Псынако I. В его насыпи обнаружена грабительская яма с большим плиточным дольменом. Дольмен в кургане. Такое встречается не очень часто. Есть над чем задуматься. Начал его раскопки археолог и музейный работник Мадин Камболетович Тешев - человек

энергичный и прекрасно знающий древности район Туапсе. Работы над таким объектом, как курган, обычно не растягиваются на длительный срок. И я согласился.

В Туапсе закончены обычные формальности, и я уже на месте. Псынако — это быстрая речка. Русло ее изборозжено перекатами и глубокими котлованами. Слева от течения находится поселок Анастасиевка, а справа — большой яблоневый сад. В нем и высится огромный курган, поросший мощными дубами. По речке он и получил свое название. Диаметр кургана сейчас трудно восстановить, его каменную насыпь стали разбирать на стройматериал и сильно разворошили, но около 60 м он вполне мог иметь. Это при высоте почти 5 м. К северной поле кургана пристроился наш лагерь, Мадин Камболетович заботливо огородил его забором из жердей. Пять палаток, приспособленных под всякие нужды, стол под навесом — вот в основном все наше хозяйство.

Уже при свете костра обдумывали мы план дальнейших раскопок кургана.

Целый месяц продолжались наши совместные работы. Иногда мешали ливни, а более всего — влажная и душная жара. К полудню приходилось делать длительный перерыв, так как камни кургана к этому времени особенно сильно отдавали перегретым воздухом. Более тридцати ребят и девчат — местных и приезжих школьников трудились у насыпи кургана.

У нашей экспедиционной тройки — Мадина Камболетовича, его жены Натальи Николаевны, выполнявшей обязанности лаборанта, и у меня — не было даже выходных. То нужно обмерять какую-нибудь конструкцию кургана, то мыть керамические находки, то заполнять полевые документы и дневники. А еще снимки, зарисовки, черчение профилей, зачистки каменных кладок и т. д. Работы хватало. Только в полную темень, когда светлячки пульсирующими движениями начинали бороздить просторы сада, мы могли спокойно посидеть за чаем.

Работы на кургане шли своим чередом, и его конструкции с каждым днем обнажались все более и более.

Да, Псынако I содержал действительно уникальные сооружения. В северной его части у самого дна на материковую сланцеватую глину были положены крупные речные камни (голыши), образуя подобие круговых вымосток. А внутри них среди земли, содержащей угли, встречались мелкие обломки красной керамики с пачкающей поверхностью. Здесь же лежали два миниатюрных кремневых наконечника стрел треугольной формы. Они имели специальные выемки для насада к древку.

Сделанные находки, несомненно, оставлены племенами майкопской культуры (о них уже упоминалось раньше.) Это позволяет думать, что на месте кургана (тогда его еще здесь не было) в первой половине III тысячелетия до нашей эры находилось какое-то почитаемое место. Мы условно называли его «святилищем». Если наше предположение верно, то здесь, у каменных колец производились какие-то непонятные нам ритуальные действия. Правда, подобными кольцами («кромлехами») население этого времени окружало могилы — ямы, вырытые в грунте. Однако следов захоронений мы не нашли. Ямы были бессистемно забиты камнями. Конечно, они могли быть уничтожены строителями кургана. Но доказательств этого нет.

К сожалению, исследовать «святилище» самым обстоятельным образом не удалось, так как край его был потревожен, когда курган уже в наше время начали разбирать «на камень».

Можно думать, что территория «святилища» почиталась длительное время, вот почему именно здесь и решили древние жители начать создание курганных построек.

Несколько позже (на две-три сотни лет) над «святилищем» возник угольный слой, зачистка которого заняла у нас много времени. Этот слой достигал в толщину 10 см. Почти не выклиниваясь, он простирался на значительную площадь. Здесь были найдены облопки более поздней керамики дольменного типа (она описана в предыдущей главе). Встречались здесь и сильно истлевшие кости животных.

Этот слой может быть связан со строителями подкурганного дольмена и всех окружавших его сооружений. Люди здесь жили некоторое время, жгли костры и готовили пищу. Мне это кажется наиболее вероятным. Но можно также предполагать, что угольный слой появился во время длительной поминальной тризны. И все же, чтобы возник слой золы и угля, необходим большой отрезок времени. Вот почему я стою за первое предположение. Тризна вряд ли могла длиться очень долго. Дольмен строили не торопясь, и до его установки кургана здесь еще не было. Над «святилищем» древние мастера уложили слой глины и на такой платформе работали.

Дольмен, обнаруженный у центра кургана, относится по своему типу к плиточным сооружениям. Сделан он из больших плит плотного туфопесчаника. Их подправили шлифовкой, а излишние выпуклости сбили точечными ударами какого-то орудия наподобие керна. Боковые стороны дольмена имеют трапецевидную форму. В них врезаны пазы. Передняя, высокая стена слегка наклонена внутрь,

а задняя, низкая, подушкообразной формы стоит почти вертикально. Обе эти плиты имеют прямоугольные очертания.

Дольмен был с двойным перекрытием, для которого в боковых частях были высечены специальные уступы. Грабители проломили их, обломки откинули и проникли внутрь постройки. Что они нашли в дольмене — навсегда останется тайной. Мадин Камболетович и Наталья Николаевна в 1983 году дольмен застали пустым. Два-три черепка — и только. Жаль, предметы, содержащиеся в нем, может быть, прояснили бы многие темные для нас вопросы.

Итак, дольмен был перекрыт двумя плитами. Передняя возвышалась над задней, еще более усиливая впечатление монументальности всей постройки.

Лаз, ведущий в дольмен, имел аркообразную форму. В него была задвинута каменная втулка, которая завершалась округлой шляпкой с конической выпуклостью в центре.

Однако необычным в кургане Псынако I был не сам дольмен, а сооружения, связанные с ним. Чтобы выявить их, нам пришлось часами зачищать, казалось бы, случайные завалы и кладки камней, приостанавливая земляные работы. В итоге мы установили, что дольмен был окружен круговой постройкой со стенами, достигающими в толщину 180 см. В северо-западной части кургана их высота была очень значительной — 325 см. Первоначально стены могли быть еще выше, ведь курган со временем оплыл и вершина его попорчена грабителями.

В нижней части эта постройка сложена из относительно ровных пластин плитняка, а затем уже из речного булыжника. Камни лежат плотной массой и почти правильными рядами, напоминая рыбью чешую, но они не заходят друг за друга. Связующим раствором являлась глинисто-земляная масса, на которую не скупилась. Заметно, что древние мастера стремились придать стенам заведомо сводчатый профиль, но только профиль, так как камни кладки соответствующим образом не были обработаны, и смыкание стен (по мере их повышения) идет не за счет напуска камней или их клинчатости, а только в результате умелого использования раствора, величины булыжных глыб и, главное, массивности стен. Вероятно, древние зодчие мыслили создать над дольменом купольное сооружение. Конечно, при явной примитивности строительной техники, думаю, этого они не сумели достичь. Но стены постройки на высоте более 3 м уже были сильно сближены, и здесь купольная конструкция могла завершаться перекрытием из дерева. К сожалению, это опять-таки только предположение, так как вершина кургана повреждена.

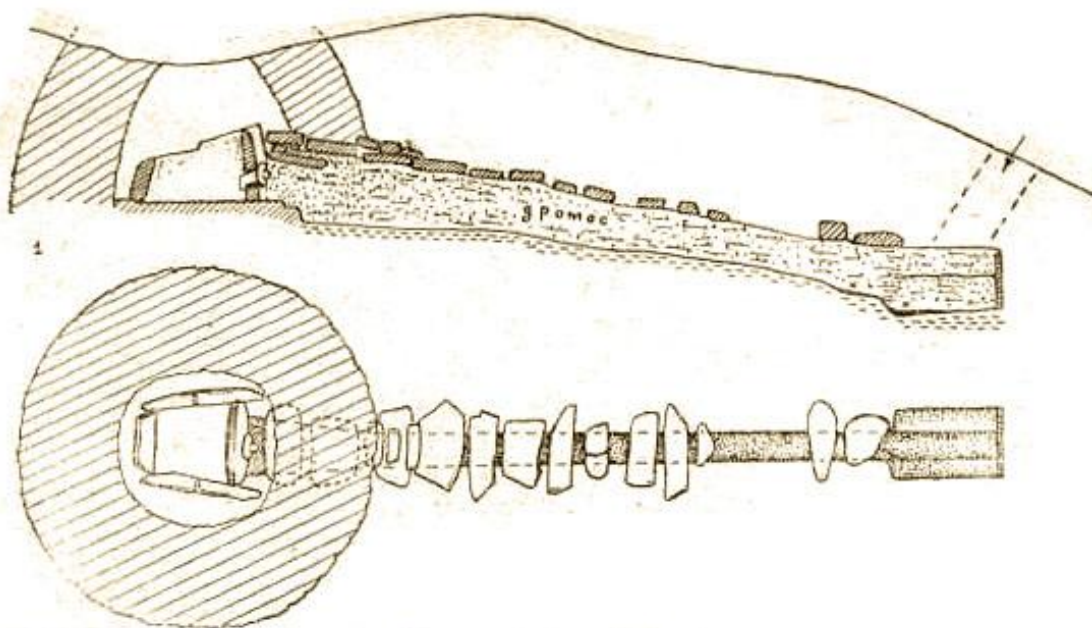
Внутреннее пространство в помещении, созданном над дольменом, вероятно, должно было не только ограждать его, но и служить для каких-то ритуальных целей. Ведь получалось, что дольмен был помещен в нечто, напоминавшее сферу. Он был вписан в круговое помещение (назовем его античным термином «целла»), и над ним высились округлые своды. Если кто из читателей интересовался мегалитами, то, вероятно, знает о существовании в юго-западной части Англии Стоунхенджа — огромных камней, расположенных по кругу в сопровождении целой аллеи более мелких торчащих плит — менгиров. Ученые до сих пор гадают, зачем же были воздвигнуты эти сооружения, и многие из них сходятся в том мнении, что Стоунхендж — древняя обсерватория (Д. Хокинс, Д. Уайт, Д. Вуд и др.). В ней изучались закономерности солнцестояния, велись наблюдения за луной. Здесь для нас важно то, что в эпоху создания мегалитов круговые, а значит, и сводчатые постройки могли связываться с космическими представлениями. Я далек от особого увлечения астрономией, но в данном случае и мне хотелось бы воспринимать дольмен в кургане Псынако I как могильное сооружение, над которым простирались стены целлы, имитирующие свод неба. Дольмен, покоясь на земле, таким образом, был связан с небесной сферой.

Но вернемся к конструкциям нашего кургана. В 1983 году Мадин Камболетович и его супруга были удивлены узким коридором — «дромосом» (снова употребим античный термин), который подходил к передней плите дольмена. Я тоже никогда и ничего подобного не встречал. От дольменного лаза с втулкой отходил узкий почти двенадцатиметровый дромос, перекрытый крупными плитами случайной формы. Стены его особенно тщательно сложены возле дольмена. Это можно объяснить тем, что здесь их кладка врезана в толщу глины. Далее, по мере удаления от круговой постройки и дольмена, в стенах дромоса начинают все чаще встречаться плосковатые по форме глыбы и огромные расслаивающиеся глыбы сланца. Факт легко объяснимый — здесь, в своей начальной части дромос поддерживается камнями насыпи кургана, опираясь на них. Так как описание этого коридора идет в обратном порядке — от дольмена к его началу, то следует сказать, что тут дромос несколько расширяется и приобретает уступчатую форму. Это вход в него, который закрывается тройным плиточным перекрытием. Можно предположить, что в насыпи кургана имелся специальный проем, ведущий к дромосу.

Таким образом, к дольмену подводил ход, ориентированный довольно точно с северо-востока на юго-запад. В самых узких местах он имеет высоту в полметра при такой же ширине, так что в случае необходимости по коридору мог пролезть худощавый человек. Описываемый дромос несколько расширился в самом начале, у выхода к насыпи кургана, и затем уже у дольмена, где свободного пространства вполне хватило бы, чтобы вынуть втулку из дольменного лаза. О том же, что дольмен посещали, свидетельствует и такой, внешне незначительный факт, как потертость втулки, прикрывавшей лаз. Она свободно входила в него и лишь держалась на заплывшей земле. Сделана втулка из желтоватого песчаника — материала, не очень прочного в отличие от плит дольмена. И еще одна деталь. М. К. Тешев обратил внимание на большую прослойку угля у входа в дромос. Здесь часто зажигали огонь, возможно, благовониями окуривая дольмен с его содержимым. Образцы угля, сданные на анализ по 14С, дали дату 2340 +/- 40 лет до нашей эры. Значит, примерно в это время дольмен уже мог быть построен и здесь горели костры.

Я не знаю курганов до деталей напоминающих Псынако. Пока это единственный в своем роде памятник. В этом его уникальность, хотя четыре подкурганные мегалитические постройки, известные мне по литературе, немного напоминают Псынако. Одна находится в Нью-Грейндж в Ирландии, другая — в Ёрдхой в Дании, третья — в Алька-ларе в Португалии и четвертая — это Лос-Милларес в Испании. Всех их объединяет коридорный ход, который ведет в погребальную камеру, сложенную из плит по принципу ложного свода. Но ни в одной из этих построек не было дольмена, хотя бы отдаленно напоминающего западно-кавказские. Сооружения кургана Псынако I по сравнению с ними, я бы сказал, сделаны более небрежно, словно на скорую руку. Думаю, что поиски близких по типу памятников, увеличат их количество. И в сопоставлении с ними предстоит обдумать каждую деталь, прослеженную в раскопанном нами кургане.

Комплекс построек в описанном кургане позволяет рассматривать его не только как погребальное сооружение (попросту могилу), а скорее всего как своеобразное культово-погребальное сооружение. В Псынако I мог быть захоронен человек, которого в дальнейшем обожествляли. Ему поклонялись, приносили жертвы, и, может быть, каждый, приходивший сюда, оставлял свой камень. Так могла разрастись его насыпь до гигантских размеров. Интересно, местные жители говорят, что на вершине кургана имелаась площадка, огражденная правильным кругом из по-особому положенных камней. От нее отходили лучи к самому низу — подошве кургана, которая была очерчена большими валунами. Такие валуны видели мы в процессе раскопок.

Курган Псынако I. Дольмен с круговым помещением и дромосом, 1 — профиль, 2 — план (очень схематично; стрелкой показан предполагаемый вход из насыпи в дромос; знаком «х» обозначены скопления угля в дромосе).

Да, курган Псынако I — это поистине удивительное сооружение. Жаль, что он дал так мало вещевых находок. Но и так он позволяет более полно изучить духовный мир древнего человека, мир его культов, ритуалов, надежд и переживаний. Здесь лучше попрiderжать полет фантазии, чем перейти границы. Но это дело будущего. Конечно же, кургану Псынако I предстоит занять достойное место в ряду известных древностей нашей страны.

Дольмены и ритуал. Быт древних строителей.

Экспедиция окончена, и независимо от личных чувств — удовлетворен ли ею или совсем нет — наступает самая трудная часть в жизни ученого-археолога. Здесь уже иная романтика — нет ни походов, ни жары и пыли, и лишь изредка, как что-то очень далекое, вспоминается трепетная дробь дождя по брезенту палатки. Начинается романтика обдумывания, взвешивания собранных фактов, прикидка «за» и «против» в решении поставленных вопросов. Далеко не всех такая деятельность привлекает. Порой считают, что археологи только ищут, копают... Увы, нет. Нужно разобраться в собранном материале, найти аналогии, узнать мнение о подобных находках предшественников, заглянуть в ту литературу, в которой они могут быть упомянуты. И одна книга, приоткрыв горизонты непознанного, заставляет искать все новые статьи и книги, в которые погружаешься с головой, забывая порой самого себя. Так было с материалами кургана Псынако I.

Вот такое обдумывание собранного материала и приводит иногда к успеху.

И вот сделаны обмерные чертежи, выверены записи и цифры. Нарисованы и сфотографированы находки, определены, если надо, породы камня и состав металла, установлено, каким животным принадлежали собранные во время раскопок кости. Начинается процесс сопоставления.

Дольмены дали огромный материал для обдумывания. Прежде всего, встал вопрос: зачем нужно было строить такие махины? Ведь соседи строителей дольменов ничего подобного не сооружали, они обходились для похорон своих сородичей более простыми способами. Обычно яма, иногда над ней курган, а если склеп, то из мелких камней, которыми обкладывали заранее вырытый небольшой котлован. А здесь хорошо осмысленная конструкция. Кроме того, дольмены поставлены не как попало, а явно в определенном направлении. Это подметил еще Е. Д. Фелицын. Другой археолог - Г. Н. Сорохтин считал, например, что оси дольменов (от передней к задней стене) перпендикулярны линии хребтов, на которых они стоят. К сожалению, я это проверить не смог. Но мне удалось собрать сведения о 644 постройках. Большинство из них — 333 дольмена были повернуты фасадами на юг, далее, 152 — на восток, 93 — на юго-восток, 21 постройка — на юго-запад, то есть их старались поставить так, чтобы они были обращены своими фасадами в солнечные стороны. Но подмечен и еще один интересный факт. Если дольмен стоит в сильно затененной местности, среди высоких гор или в дремучем лесу, то его фасад обращен к ярко освещенному пятну - скалам, далеким деревьям, пусть это будет даже фактически северная сторона. Дольмены с таким расположением удалось обмерить у Дедеркоя, Пшады, Солохаула. Как видно, «солнцем» для них служили именно эти быстро исчезающие, но ярко освещенные пятна окружающей природы.

Итак, ориентация дольменов свидетельствует о поклонении их строителей солнцу. Что и говорить, это светило и в наши дни вызывает не только простое уважение, ведь оно дарует жизнь во всех ее проявлениях. И ученые спорят о солнечных возмущениях, его активности, рассчитывая и взвешивая влияние солнца на жизнь всей нашей планеты. Как же мог древний человек не связывать с великим светилом все свои надежды, планы, мечты и самые затаенные чаяния?

Но при чем тут дольмены, если они являлись могилами? Форма дольменов, когда их осмотришь этак с десятков-другой, а то и сотню, заставит серьезно задуматься. В любом захоронении, даже самом современном, все наполнено традициями. Здесь ничего нельзя делать наспех и кое-как. Это умиротворяет, успокаивает оставшихся жить. Если теперь, честно говоря, боятся чем-нибудь обидеть тень умершего, то что же было в древности, когда боги, духи, злые и добрые силы наполняли все и вся, сопутствуя живым и мертвым. Тогда похороны являлись сложным ритуальным действием. Конечно, очень трудно поставить себя на место древнего человека, детально понять те едва уловимые отголоски, что предоставили в наше распоряжение археологические материалы и личные наблюдения во время раскопок.

Некоторые ученые, в том числе археолог и большой знаток первобытного искусства Александр Александрович Формозов, роднят кавказские дольмены с пирамидами египтян. Относительное

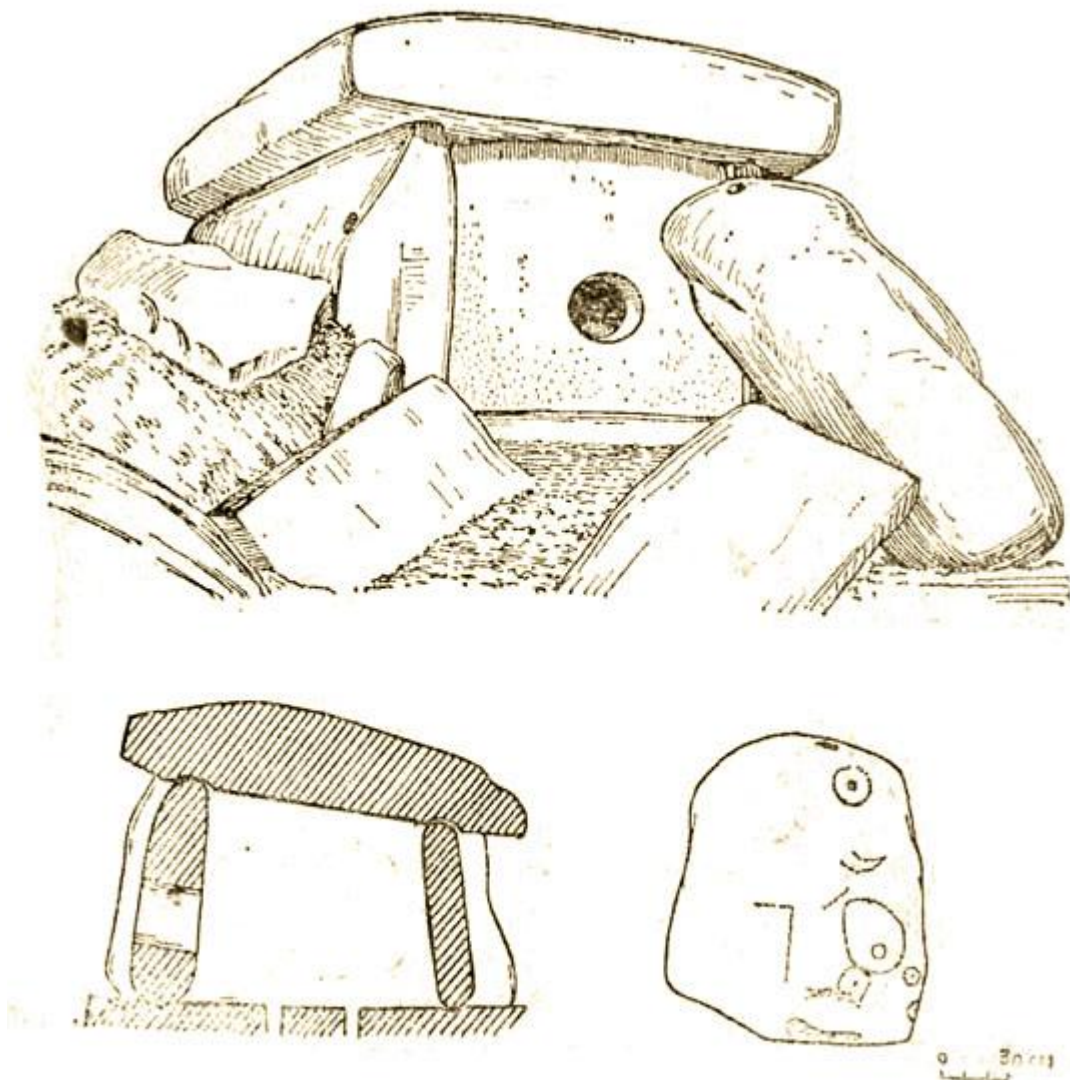
сходство тут может быть прослежено по линии их герметичности, массивности, недоступности содержимого постороннему оку. С таким сопоставлением вполне можно согласиться. Это дает повод приоткрыть завесу над теми идеями, которыми руководствовались египтяне, строя свои пирамиды и масштаба - гробницы, еще более похожие на дольмены.

Египетский фараон (вождь) считался средоточием производительных сил природы. Он отвечал за хороший урожай, обильный приплод скота, рождаемость людей. И если фараон умирал, то тень, его продолжала обеспечивать благоденствие живущим и его царствующему наследнику. Будучи женатым большей частью на собственной сестре, он в полном смысле единодержавно управлял всеми видимыми и невидимыми силами. Потрешить пирамиду или мастабу с хранящимися в них мумиями - это значит уничтожить чудодейственность, в первую очередь беспредельное влияние на все живое.

Если перенести сказанное на захоронения в дольменах, может быть, слегка уменьшив потенциальные, столь всеобъемлющие возможности воздействия мертвых, то мы сможем увидеть в западно-кавказских дольменах воплощение той же идеи — магическим путем благоприятствовать живущему населению. Отсюда и некоторые детали, встречающиеся на дольменах, — зигзагообразный узор (дольмены близ Азербайджана, на Пшаде), символизировавший воду.

Именно так на древневосточных рельефах изображали влагу, моря и даже змей, как олицетворение сырого подземного мира. А без воды будет суха земля и нет плодородия, нечего ждать урожая. Изображение выпуклостей на дольменах, напоминающих женскую грудь (Анастасиевка, Большое Псеушко), также может быть лишь символом плодородия. А. М. Горький только перефразировал древнейшее изречение, говоря, что все прекрасное идет от женщины. Гимны женщине-матери, прародительнице, подательнице жизни, вскормившей своим молоком весь мир, зародились очень давно. Большой частью мы не знаем слов подобных песнопений, но известны женские статуэтки, то несколько грубые, идущие от эпохи камня, то изощренно-изящные (эпохи бронзы) и великолепные в своих пропорциях и жизненно-духовной красоте — творения античных ваятелей. И все они воплощение идеи материнства, преемственного бессмертия.

Рассматривая каждую деталь дольменов, все больше и больше приходишь к выводу, что, возводя их, строители создавали вместилища для умерших предков, которые магически должны были влиять на будущий достаток и плодородие. В них заключена была таинственная сила всеобъемлющего и обильного воспроизводства. Может быть, этой же цели были подчинены и другие черты ритуала: поза, в которой клали умерших, вещи и прочее. Реконструировать все эти детали, а они связаны с миропониманием древних людей, очень трудно. Так считают, что скорченные захоронения, когда покойного укладывали на бок, поджимая ему ноги, может быть позой эмбриона, находящегося снова в изначальном своем положении в «мать-сырой земле». А почему не считать, что таким положением мертвецу придавали позу спящего человека? Разве на боку не спят? А скелеты, сидящие по углам дольменов? Нельзя ли осмысливать их расположение, как уверенность в том, что они готовы приподняться и действовать в любую минуту - на благо своим живым сородичам. И именно с этой целью умерших прислонили к стенкам гробниц, словно они присели отдохнуть. Это все предположения. Их можно высказывать, тасуя, как карты, но никогда, вероятно, не будет полной уверенности, что одно из них абсолютно верно. Вот вторичные захоронения - это когда укладывали в дольмен не тело умершего, а только кости. Такой обряд скорее всего связан с неясной сменой внутридольменного ритуала. Может быть, он возник и стал практиковаться вместе с какими-то изменениями в составе населения, жившего на территории распространения дольменов. Но это только толстые каменные стены, но и собаки, которых специально для этой цели убивали. Кости их часты при раскопках древних построек. Можно было бы думать, что их мясо, как и других домашних животных, употребляли в пищу. Едва ли так, ведь на поселениях, среди жилья, где костные остатки встречаются в изрядном количестве, остатки собак не найдены.

Плиточный дольмен на горе Аутль (Солохаул) с прислоненной к нему скалой с петроглифами и «чашей».

На дольменах и возле них, обычно на ближайших скалах и отдельных камнях, встречаются чашечные углубления. Они высечены в горизонтальном и вертикальном положениях. Назначение их пока еще не совсем ясно, хотя археолог А. Ф. Лещенко считал такие чаши «склянками» для воды, которая употреблялась при ритуальных действиях. Но как можно было налить эту самую воду в наклонную чашу?

Таким образом, рассмотрение деталей, сопутствующих дольменным захоронениям, дает множество поводов для предположений и сомнений. Вот, например, возле одного из дольменов горы Аутль (Солохаул) стоит обломок скалы, он не только имеет на своей верхушке чашечное углубление, но и покрыт со стороны, обращенной к отверстию гробницы, петроглифами — выбитыми рисунками в виде солнечных (солярных) изображений, кружочков с точкой в центре. Однако внутри дольмена захоронение отсутствовало. Кроме небольшой кучки углей, в нем ничего не было. Какие же действия могли совершаться возле этого дольмена? Почему же эта гробница, хорошо скрытая от взоров под навалом камней, все же пустовала? Легче ответить на второй вопрос, а затем уже на первый. У этнографов и археологов существует понятие кенотафа. Так древние греки называли памятник, поставленный как воспоминание о человеке, умершем на чужбине. Подобные надмогильные камни в виде узких стел обычны и для кавказских горцев, ими отмечают они смерть дорогих людей, так и не вернувшихся на родину. Для древности, в том числе и эпохи бронзы, в качестве кенотафов известны так называемые пустые могилы — без покойников. Оплаканые и соответствующим образом отмеченные ритуальными действиями, а иногда и приношениями (горшочек с пищей, какая-либо вещь) они занимали свое место среди родных могил в кургане или на кладбище.

В дольменах среди древнего заполнения почти всегда встречаются угольки. Нет, в них не жгли большие костры, а скорее всего окуривали камеру горящими ветками какого-то растения. Это могли

делать во время похорон. В заинтересовавшем нас дольмене Солохаула, где все манипуляции производились в пустой камере, небольшому костру, вероятно, была придана особая роль - отогреть душу умершего вдалеке, магическим путем вернуть в родные места и призвать ее в гробницу. Очевидно, с этой же целью и был придвинут к дольмену кусок скалы с солярными петроглифами, чтобы солнца, выбитые на камне, «денно и ночью» сопровождали тени умершего. Здесь все усилено: и количество угля от воскурений, и светозарность солнца, а на скале даже выбита чаша для каких-то совсем неясных возлияний.

Дольмен с солярным крестообразно перечеркнутым кружком, зигзагом и змейкой в 1929 году у поселка Лазаревское зарисовала археолог Лидия Алексеевна Евтюхова. К сожалению, эта постройка не сохранилась, но можно сказать, что она также таила так и не раскрытые неожиданности для исследователя.

Область верований и связанных с ними ритуальных действий, с которыми самым тесным образом слиты дольменные постройки, настолько еще плохо изучена, что современные археологи, с интересом описывая все культовые детали, касаются все же их попутно, большей частью припасая для исследований не очень близкого будущего.

Дольмены дают богатый материал для суждения о художественном вкусе древних людей, их строительном мастерстве, об умении использовать металл, кость, глину и камень в своем быту, и все же без исследования поселений наши сведения об их повседневной жизни кружились бы вокруг все тех же предполагаемых ритуалов и мистических воззрений.

Раскопки поселений, пусть даже фрагментарные, очень беглые, являются широко распахнутой дверью в самую суть давно отошедшей жизни с ее заботами, радостями и повседневной обыденностью. В этом смысле Дегуакеко-Даховское поселение дало много ценного материала. Так, определение найденных костей, сделанное зоологом Валентиной Павловной Данильченко, позволило прийти к выводу, что жители разводили в основном крупный рогатый скот (коров) и свиней, то есть они были оседлыми людьми, так как эти животные не приспособлены для перекочевков. Овцы и козы (всего 10 процентов среди костных находок) не имели большого значения для хозяйства строителей дольменов. Судя по указанному проценту, свинину они предпочитали баранине. Среди жителей поселка были охотники. На поселении найдена всего одна кость дикого животного, но она принадлежала лосю — животному, давно уже истребленному на Кавказе, но некогда жившему по всей территории. И. И. Аханов на поселении близ Гелендясика нашел кости дельфина, вероятно, жители приморья били морского зверя и ловили рыбу.

Грузы и каменные плиты люди могли перевозить на быках, пользовались они и лошадью. Отдельные находки костей этих животных найдены внутри самих дольменов (у станиц Баговской, Даховской, в Гузеришле и в других пунктах).

Оседлый образ жизни располагал к занятиям земледелием, о чем свидетельствуют находки «вкладышей» для серпов и мотыгообразные орудия.

В главе, посвященной описанию находок, уже говорилось о керамических изделиях и металлообработке. В целом вырисовывается образ дольменостроителя не в виде лохматого дикаря, закутанного в звериные шкуры, а человека полного интеллекта, сильного в своих духовных порывах и умелого в работе. Он хорошо знал камень и его свойства, ценил его красоту и прочность, умел отливать тонкие, почти ювелирные работы вещи и смело шагал вдоль и поперек гористых ущелий. По этому поводу интересно небольшое наблюдение: в бассейне реки Кизинки был найден обломок топорика, сделанного из красивого темно-зеленого камня — змеевика. Его месторождений поблизости нет. Вполне возможно, что куски этого минерала были принесены из высокогорий, занятых сейчас Кавказским государственным заповедником, где этот камень не является редкостью. В конечном итоге высокогорная зона не так уж далеко отстоит от станицы Баговской с речкой Кизинкой. Но люди, строившие дольмены, не чужды были и более далеких путешествий, ведь отдельные дольмены обнаружены даже в районе Железноводска. Краеведу Андрею Петровичу Руничу удалось обнаружить фотографии таких построек, заснятые еще в 1902 году. Что сопровождало таким переходам — трудно сказать, скорее всего это были далеко не мирные прогулки. И все же в древности не менее чем сейчас ценили мир и добрососедские отношения. Как говорят специалисты по социальной психологии, «информация между людьми проходит через фильтр доверия и недоверия. Информация может быть абсолютно истинной и полезной и все-таки остаться не принятой, не пропущенной фильтром. И наоборот, информация может быть ложной и вредной, но принятой в силу открытости для нее шлюза доверия». Иначе говоря, речь идет о порядочности, коварстве и таком зле, как непонимание друг друга. Во все века «змий» недоверия соперничал с «птицей» честности и доброты. Строители дольменов были

людьми интеллекта, их психология — вполне людской, хотя, возможно, чрезмерно перегруженной запретами, верованиями и крепкой сетью всевозможных ритуалов. И их окружали люди не менее развитые, чем они, и так же насыщенные своими предрассудками.

Требования времени (напомню, речь идет об эпохе бронзы) заставляли искать связи с соседями, вести обменные операции с ними, выменивая те продукты, которые почему-либо отсутствовали на своей земле.

Большой знаток эпохи бронзы Михаил Илларионович Артамонов, работая по Манычу в 40-х годах, писал о возможности связей между населением степей и носителями дольменной культуры. Более явными эти связи, даже влияние на степняков в некоторых деталях земляных гробниц прослеживает теперь ростовский археолог Владимир Яковлевич Кияшко. Если уже речь идет о таком факторе, как влияния, то, очевидно, отношения между древними племенами зачастую были достаточно интенсивными и дружескими. Как-никак, способы ведения войны, формы вооружения можно действительно перенять у своих противников, но архитектурные приемы в оформлении гробниц? Такое может происходить при полном доверии и длительном общении. К этому можно добавить интересный факт. Возле дольмена № 497 в бассейне реки Кизинки были найдены обломки глиняной чаши, покрытые снаружи елочным узором, нанесенным специальным штампом, а внутри — горизонтальными желобками. Подобные чаши в целом виде хорошо известны археологам из степных районов. Их обычно называют курильницами из-за того, что внутри они имеют небольшое отделение для благовоний, а рядом — через перемычку — в них клали угли. Такие чаши стоят на четырех ножках или на одной крестовидной, скорее всего имитирующей вымя животного. Эти сосуды очень характерны для могил, сооруженных в виде катакомб — подземных пещерок с колодезем, специально вырытым, чтобы опуститься в нее. И курильницы — непременный аксессуар многих захоронений в катакомбах Предкавказья. И вдруг курильница, хотя бы и в обломках, возле дольмена! Реальный факт связей, хотя и совсем еще неясный по своей причинности. Как видно, подобные факты, требующие особого исследования, будут увеличиваться с новыми раскопками и дольменов, и других памятников окрестных земель.

И еще факт. В дольмене № 26 некогда существовавшей козжохской группы (у поселка Каменноостского) Е. Д. Фелицын обнаружил кольцевидную подвеску, покрытую литым шнуровым узором, — вещь, не характерную для строителей дольменов. Ее разыскал в старых коллекциях А. А. Иессен и зарисовал. Подобные подвески служили украшением более восточным соседям — горцам, которых археологи называют для простоты носителями северокавказской культуры (общности). Они были большие мастера по металлообработке — ковке, литью, и на их территории, по-видимому, добывались руды меди и мышьяка. Эта подвеска является вполне вещественным доказательством связей двух соседей.

Третьим соседом в наиболее раннее время строительства дольменов, а скорее даже соперником из-за территории, были племена майкопской культуры (о них уже упоминалось). Сосуды первого типа округлых форм, вероятно, появились у строителей дольменов не без влияния «майкопцев», да и те самые, вскользь названные новосвободненские гробницы, заполненные вещами майкопского типа, — итог каких-то связей тех и других. Ведь «майкопцы», как пишут археологи Рауф Магомедович Мунчаев и Аннетта Леонидовна Нечитайло, дольмены в качестве могил не употребляли. Думаю, ситуация, нашедшая отражение в гробницах станицы Новосвободной, связана с войной. «Это мое», — хотели сказать завоеватели, выбрасывая останки умерших из дольменов и помещая в них своих покойников, тем самым попирая обычаи и права врагов. Если дольмены известны в районе Железноводска, за 400 км по прямой от основной их территории, и на этой же территории и даже дальше, почти до Дагестана известны курганные памятники «майкопцев», причем в районе Нальчика также имеются дольменовидные гробницы и опять-таки заполненные чужеродными вещами, то чем это можно объяснить, как не войной?

Есть и другое решение. Так, археолог Исмаил Магомедович Чеченов объясняет подобную ситуацию «родственностью позднемайкопских племен строителям дольменов».

Возможно, не стану спорить, но почему же так редки, единичны подобные памятники среди многочисленных древностей майкопского типа? Над этим вопросом еще предстоит работать археологам-историкам.

Итак, строители дольменов, если постараться рассмотреть известный материал более или менее детально, вырисовываются людьми не только талантливыми, но и способными постоять за себя. Если вспомнить указания К. Маркса, сделанные им в «Капитале», «что средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых

совершается труд», то сделанный уже перечень орудий труда (предметы из камня и бронзы), предметов быта и описание дольменов дают право говорить о достаточно развитой общественной организации людей, оставивших дольмены. В подобной среде уже могло иметь место выделение таких лиц, которые, по Ф. Энгельсу, могли, «хотя и под надзором всего общества», исполнять судебские и религиозные функции, представляя тем самым «зачатки государственной власти». Все сказанное вполне согласуется с появлением «института частной собственности». Он, как замечал В. И. Ленин, «возникает только с появлением обмена». Приведенные факты неплохо иллюстрируют мысли классиков науки. Ведь действительно без прибавочного продукта, хотя мы не знаем его точного объема и точного перечня, не могли бы зарождаться связи как со степняками — «катакомбниками», так и с «северокавказцами». Очевидно, и те родственные или даже враждебные контакты с носителями «майкопских традиций» тоже были построены не на песке, а в основе их лежали какие-то более весомые, материальные причины. Рисуется вполне реальная картина, что жители Закубанья и Черноморья, строившие дольмены, располагали достатком хотя бы в виде скота, цветного поделочного камня и т. д. В их среде уже были люди, далекие от рядового труда (жрецы-вожди), и подавляющее большинство — мускулистые труженики. Первые, хотя бы выбираемые всем обществом, уже могли повелевать вторыми, и для них строились наиболее массивные и емкие усыпальницы. Уже мертвые, они помогали своим живым восприимчивым вершить суд и расправу, а рядовая масса, иногда захороненная даже не в дольмене, а в гротах и под скальными навесами, боялась их вездесущей и карающей руки. Такое повиновение диктовалось традициями, обычным правом, самым непоколебимым видом дольменных полей.

Происхождение дольменов — гипотезы и мнения.

Многие ученые-кавказоведы пытались выяснить вопрос о происхождении местных дольменов. Однако среди древностей бассейна реки Кубани и Причерноморья, включая Абхазию, еще не найдены такие памятники, которые были бы им конструктивно близки и в то же время предшествовали. Речь может идти о крупных сооружениях типа каменных ящиков. Так археологи называют обкладки могильной ямы, когда все стороны ее замкнуты поставленным на ребро плитняком. Однако на очерченной территории подобные захоронения неизвестны для первой половины III тысячелетия до нашей эры, а ведь только из них могли бы путем трансформации — усложнения конструкций «ящика» — появиться дольменные постройки. Не сразу, но возникла мысль, что дольмены привнесены на Кавказ извне. Но откуда? Ясно, что не со стороны гор, так как уже давно замечено, что дольмены не только Кавказа, но и всего мира приурочены к приморским частям. Имеются, правда, частные мнения, что высказывал Жак де Морган: «...вовсе не надо подвергаться влиянию отдаленных центров, чтобы воздвигнуть крупные камни и накрыть их крышей». Увы, он не прав, ему не захотелось видеть пазов, пяточных камней и всего того, что делает дольмены Западного Кавказа и некоторых других стран предтечей высокой архитектуры.

Мыслили и так, что дольмены Кавказа возникли из гротов, пещер, как подражания им. И это отпадает, хотя поддерживалась такими кавказоведами, как Д. Н. Анучин и М. М. Ивашенко. Тогда зачем же у корытообразных построек, действительно близких по форме гротам, имеется портал (фасад) и на нем, выбитые из целого камня, имитируются выступающие боковые плиты, подпяточник или просто ниша перед лазом? Ведь это полнейшее подражание дольменам, сложенным из плит, когда вполне естественно длинные боковые стены и выступающие перекрытия образуют перед лазом портал. Нет, «пещерная теория» для западно-кавказских дольменов явно не годна, она ничего не объясняет.

Значит, снова море. «Идея» такого сооружения, как дольмен, могла прийти только со стороны моря. Так думали Б. А. Куфтин, Л. И. Лавров. Последний вообще думал, что «идеи» дольмена были широко распространены, могло даже существовать между их строителями «этническое (кровное) родство». Ставя в неразрывную линию все дольмены мира, включая Дальний Восток, он считал, что подобные постройки появляются «с развитием торгового и военного мореплавания у приморских народов в неолите и эпоху бронзы», когда кавказцы могли видеть дольмены в других странах и начать их строить у себя.

Л. Н. Соловьев, тот самый археолог, с которым я советовался, как же копать древние постройки, представлял себе, что дольмены на Кавказе вначале появились в Абхазии («южно-дольменная культура»), затем распространились более широко, и все это произошло под воздействием «кашков» — малоазийского, довольно подвижного населения, известного по клинописным источникам. Но здесь неувязка — «кашки» дольмены не строили, и в Малой Азии они не найдены.

Почти каждая теория имеет своих сторонников, есть гаи и у Л. Н. Соловьева.

Итак, положение с происхождением очень сложное. С началом наших экспедиционных работ и с появлением первых публикаций дело еще более осложнилось. Относительное сходство сосудов позднего этапа майкопской культуры, найденных в дольменах станицы Новосвободной, с керамикой западно-европейской культуры «шаровидных амфор» привело к еще одному мнению: дольмены Западного Кавказа — это результат нашествия на Восток носителей данной культуры. Это мнение более других поддерживают В. А. Сафронов и Н. А. Николаева. Не будем углубляться в его обоснование и критику. Во-первых, территория культуры с «амфорами» так глубоко — до Кавказа — не заходила. Во-вторых, материалы, найденные в гробницах Новосвободной, не характерны для дольменов, они привнесены в них, и почему они в них все же оказались — пока неизвестно, в этом еще надо разобраться. И уж если идет речь о сопоставлении древностей, то оно должно идти по линии культа «шаровидных амфор» — майкопская культура, а дольмены лишь бочком зашли на эту трассу.

До сих пор никто и никогда не сравнивал дольмены мира между собой, вышагивая между ними с рулеткой, компасом и хотя бы саперной лопатой как шанцевым инструментом, на это ушла бы жизнь любого долголетнего исследователя.

Публикации интересующих нас памятников мира можно найти в журналах, книгах, но все они написаны с разным подходом, с разных научных позиций, а древние строения изображены разным чертежным почерком и рассмотрены под различным критическим взглядом — вот и разбирайся сам, что в этих руинах важно, а что второстепенно. Я попытался проделать такую кабинетную работу, обложив свой рабочий стол книгами и даже сгрудив их на полу. Не стану здесь повторять, что же характерно для дольменов той или иной страны. Это уже сделано. Наиболее близкие черты западно-кавказским дольменам, мне кажется, можно найти в древних постройках Пиренейского полуострова (Португалия, Испания), на Корсике и на ближайших островах Средиземноморья, в Северной Африке, Палестине. Особенно похожи дольмены на территории доисторической Фракии (Лалапаша). Они имеют приставные порталные плиты и, пожалуй, те же пропорции. Невольно возникла теория, что постройки, близкие кавказским дольменам, расположены вдоль морских течений, а они в Средиземном море идут от Гибралтара вдоль северного побережья Африки и заворачивают в Черное море против часовой стрелки, омывая вначале Кавказское побережье, а затем его противоположную сторону. И везде, кроме Малой Азии, по линии течений имеются дольмены, в той или иной степени схожие с кавказскими. Морские течения сильны, и их токи могли бы помогать движению древних судов. Просматривая литературу по истории кораблестроения, можно найти сведения о морских плаваниях, совершавшихся в III—II тысячелетиях до нашей эры не только на многовесельных судах, но и на кораблях, оснащенных парусами. Известны рисунки таких кораблей на сосудах, каменных рельефах, печатках, найдены даже их модельки (Анатолия, Крит, Кикладские острова, Египет). Итак, корабли в столь глубокую древность, каким является время появления первых дольменных построек на Кавказе, уже строили, и они могли совершать плавания вдоль берегов, пользуясь не только попутным ветром, но и течениями. И конечно же, строители дольменов, отправляясь в плавание, даже не знали, что где-то существует Кавказ, они случайно высадились на его берегах и здесь осели. Говоря о миграции (переселении) на Кавказ, я писал в 1974 году: «Можно только предполагать, что морские походы не были единовременны, велись они с разных территорий, но наиболее древние дольменные памятники Кавказа находят аналогии в западной части Пиренейского полуострова (современная Португалия) и на острове Сардиния». Мне представлялось, что случайное посещение Кавказа сменилось затем повторными заездами.

На мой взгляд, эта гипотеза объясняет появление дольменов на Кавказе, обрастая попутными картинками: продвижение строителей от побережья в глубь гор, появление их связей — боевых и более мирных — с уже жившими на занимаемых землях племенами майкопской культуры и т. д. Во всех

деталей миграций трудно было разобраться сразу, но я исходил из сухой и деловой посылки — «идея» дольмена без людей, видевших и строивших их, на Кавказ не могла проникнуть. Ее принесли.

Дальнейшие разработки касались уже самой механики миграции. Как они могли проходить, что являлось их причиной, роль морских путей-дорог в этом процессе, могли ли миграции быть стихийными?

В октябре 1979 года в небольшом болгарском городке Созополе состоялся международный симпозиум под названием «Тракия - Понтика I». Уже глубокая осень коснулась и этой благодатной земли. Бушевало Черное море, и в унисон ему порывами набегали дождевые тучи. Представители четырнадцати стран Европы заседали в уютном зале, сидя за большим столом, украшенном цветами. Чопорная холодность первого дня сменилась затем дружеской обстановкой, и доклады проходили оживленно, сменялись экскурсиями и беседами в парке. Дольменам были посвящены три выступления — П. Делева, И. Ванкова и мое. Первые два докладчика рассказали об исследовании болгарских мегалитов, а я, ознакомив слушателей с архитектурой и содержимым наших, кавказских дольменов, остановился более всего на тех сомнениях, которые возникают в связи с гипотезой о миграции их первых строителей на Кавказ из чужеземных стран. Действительно, вкратце пересказанные мысли о происхождении дольменов являются далеко не окончательным мнением. Много неясного. Изучение миграционных процессов недавнего прошлого, обусловленных экономическим фактором (в первую очередь ростом населения при отставании роста экономики), когда люди в поисках хлеба насущного вынуждены искать новые места обитания, где можно было бы приложить свои руки и энергию, показывает всю сложность таких «оттоков» населения. В миграциях в первую очередь принимает участие в основном сильное мужское население средних лет. Появление не всегда желанных пришельцев на новых местах ведет к военным стычкам, борьбе с давно живущим здесь населением. К этому надо добавить необходимость приспособиться к новым для мигрантов климату, пище, переболеть неведомыми для них болезнями и т. д. И только со второй, третьей миграционной волной на новые места обычно прибывали люди более пожилого возраста и женщины. Победителями в таком сложном процессе, как миграции, становились сильнейшие — это могло быть более древнее местное население или пришельцы: ведь единоборство шло не на жизнь, а на смерть. Часто побежденное население «растворялось» в среде победителей. Так было во времена испанской конкисты в Центральной Америке, в период арабских завоеваний или во время крестовых походов. Все это имеет место и в современных миграционных процессах, но в более смягченном, облагороженном виде, если только не переходят они в открытую войну, когда избыточное население в виде наемных войск стремится захватить чужие территории. Примеров тому много.

Доклад в Созополе вызвал шумные прения. Вероятно, не все согласились с его положениями, хотя никто не выступил с отрицанием возможных связей древних построек Кавказа со средиземноморскими мегалитами как их первоосновой. Есть еще одна линия связей Кавказа с Пиренеями, которая подтверждает такое мнение. Я имею в виду басков. Этот народ, живущий ныне в основном в Испании и в примыкающих к ней южных районах Франции, по языку и культуре довольно близок кавказским народам. Еще известный ученый XIX века П. К. Услар, отмечая языковые особенности, ничего не мог сказать о происхождении этого народа, находя его таинственным и теряющимся «во мраке веков». Археологи (П. Бош-Гимпера и др.) приписывают ему особую баскско-каталонскую мегалитическую культуру, среди памятников которой встречаются дольмены трапециевидного плана. Современные языковеды прослеживают цепочку языков, родственных баскскому и кавказским, ведя ее от Испании до самого Кавказа. Академик Н. Я. Марр, например, увлекаясь, намечал пути, по которым баски (яфетиды) могли проникнуть на Кавказ. У него получалось, что при своем движении они могли пользоваться как сухопутными путями, преодолевая небольшие водные пространства, так и морскими. Их маршрут шел по островам и полуостровам Средиземного моря, через Малую Азию и по побережью Черного моря.

Как видим, спор о происхождении дольменов Западного Кавказа уводит в мир лингвистики, сложных грамматических и фонетических сопоставлений, сопряженных опять-таки с миграциями. Шум моря во всех чисто теоретических и несколько отвлеченных построениях все равно звучит, круша шквальными ударами зыбкие перегородки между прошлым и шумно пульсирующим настоящим...

Остались за бортом самолета маленький гостеприимный Созопол и сказочно красивый город-остров Несебр, а дольменная проблема все обрастает ракушками домыслов, теорий и мнений.

Археологи почти всегда ставят перед собой задачу связать те или иные древности с каким-либо этносом, то есть стремятся проследить: а нельзя ли сопоставить их с культурой какого-либо конкретного народа. Б. А. Куфтин, например, пользуясь «семантическими пучками», готов был считать дольмены порождением многих живых и мертвых народов. Им упоминаются лигуры, киммеры, пеласги, этруски, а наряду с ними — чаны, адыги, дагестанцы. Другой исследователь дольменов — Л. И. Лавров, прекрасный языковед, этнограф и археолог, связывал культуру дольменов только с предками абхазо-адыгов. Такое же мнение высказывали Л. Н. Соловьев, Ш. Д. Инал-Ипа. В противовес им Я. А. Федоров считал, что дольмены могли оставить только предки абхазов. Мне представляется наиболее верным относить их постройку к древнему абхазо-адыгскому населению, тем более что разделение общего для них праязыка могло произойти, судя по исследованиям лингвистов, в более позднее время, когда дольмены уже не воздвигали. Здесь интересен и еще один факт. Язык басков, если сравнивать его с языками народов Кавказа, наиболее всего близок населению причерноморских районов, а с удалением к Чечено-Ингушетии и Дагестану находит все меньше и меньше параллелей. Таким образом, прабаски, как и праадыги, вполне могли иметь контакты.

Однако профессор Отар Михайлович Джапаридзе считает возможным связывать культуру дольменов с предками грузин (картвельских племен). Не выступая против его мнения, хотел бы заметить, что третья смена обряда погребения, когда наряду с сидячими костяками начинают появляться в них следы вторичных захоронений, то есть кучи костей безо всякого анатомического порядка, могут являться показателем появления на территории дольменов предков картвельского населения. Обычно такие захоронения сопровождаются вещами протокопидской культуры, которые в этой книжке не описаны, так как скорее всего в это время дольмены уже прекращали строить, а лишь использовали для впускных захоронений. Именно такие находки, мне кажется, могут быть увязаны с древнегрузинской культурой. Но это мнение беглое, оно еще требует более полной аргументации.

Существуют и другие взгляды. Так, отдельные археологи любую постройку, хотя бы отдаленно похожую на дольмен, готовы объявлять мегалитом, не считаясь с характером кладки, манерой обработки камней и т. д. Дольмены они ищут в горах Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана, забывая об их связи с определенным этносом, а уж если не этносом (пусть будет так), то даже отвлекаясь от характерного только для них и описанного здесь инвентаря, что приводит к путанице самого понятия о дольменах и мешает и без того сложному пониманию этих и без того загадочных построек.

Вероятно, ученых еще долгие годы будут интересовать дольмены, порождая все новые мнения о культуре оставившего их населения, их быте и верованиях. Может быть, придет и такое время, когда ученые с чертежами в руках смогут воочию сравнить все мегалиты мира между собой, не считаясь с трудностями далеких путешествий и языковыми барьерами. Мечта... Любая мечта иногда становится явью.

Завершен небольшой рассказ о дольменах. Возможно, он не удовлетворил в полной мере любознательность многих читателей. Ведь в нем более предположений, чем ответов на вопросы. Все так. Наука не стоит на одном месте, развивается и расширяет со дня на день видимые ею горизонты. То, что сейчас вызывает у нас недоумение, через десять лет, глядишь, будет легко расшифровано и познано. Уже есть прогнозы, что скоро будут определять возраст керамики, есть надежда, что степень разрушения горной породы по коре выветривания также будет давать материал для датировок, да и сами экспедиции будут организованы с привлечением разных специалистов, усилия которых будут сведены к решению общей задачи — полновесному осмыслению определенного памятника. Такие экспедиции уже начинают работать.

Дольмены Западного Кавказа еще ждут новую плеяду своих исследователей, только хотелось бы, чтобы они мастерски владели техникой черчения и зарисовок — той глубиной фиксации материала, которая сохраняет разрушающийся памятник на века. А дольмены с каждым днем становятся все большей и большей редкостью. Уже давно нет дольменов кожкохской группы, стали сносить постройки Дегуакской поляны. Дольмены исчезают по разным причинам — из-за собственной древности (исчерпан естественный лимит времени, отведенный на их стойкость), невежества и корысти людей (ломают их на камень), из-за необходимости освободить занимаемые ими площади.

Современное законодательство «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятое в нашей стране 29 октября 1976 года, требует уважительного и бережного отношения к ним.

Вероятно, выполнение статей этого закона обязательно не только специальными лицами, но и всеми людьми, независимо от того, какова их профессия, степень знания отечественной истории и широта кругозора. Все местное население должно включиться в охрану дольменов, помня хотя бы то, что в их конструкции, содержимом и даже расположении на местности таятся ответы на многие важные в международном масштабе исторические вопросы. И если эта книга хотя бы на малую толику возбудила интерес к дольменам, то можно считать, они будут сохранены, и, значит, мой труд также не был бесполезным.

Основная литература о дольменах Западного Кавказа:

Анфимов Н. В. Курганы рассказывают... Краснодар, 1972.

Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.

Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.

Иессен А. А. К хронологии «Больших кубанских курганов». — В сборнике: Советская археология. М.; Л., 1950, I вып. 12.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. 1.

Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. — Тр. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1960, т. XXXI.

Лунин В. В. Дольмены Черноморья. — Материалы по археологии Юго-Востока России. Ростов на Дону, 1924, кн. 1, вып. 1.

Лунин В. В. Дольмены Черноморского побережья. — Советский Северный Кавказ, Ростов на Дону, 1930, № 2 (июль).

Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1974.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.; Наука, 1978.

Марковин В. И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа. М.: КСИА, 1980, вып. 161.

Материалы по археологии Кавказа. М., 1904, т. IX. (Этот том МАК целиком посвящен дольменам. В нем имеются статьи Е. Д. Фелицына, В. М. Сысоева, П. С. Уваровой.).

Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. — В сб.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры. М., 1974, вып. VII.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1974.

Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной. — Памятники культуры. М.: Изд. ГИМ, 1963, вып XXXIV.

Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. — Тр. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1960, т. XXXI.

Сорохтин Г. Н. Материалы к вопросу о дольменах Кавказа. — Записки музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа. Новороссийск, 1916, вып. 1.

Федоров Я. А. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях. — Вестник Моск. ун-та. Сер. ист., 1974, №4.

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства. 2-е изд. М., 1980.

Шамотульский А. И. Дольмены Черноморского побережья Кавказа. — В книге: Туапсе и Туапсинский район. Краснодар, 1967.

Марковин В. И. Испун — дома карликов: Заметки о дольменах Западного Кавказа
Рисунки автора. Краснодар, 1985.